

Борис РЯБУХИН

АЛТАЙСКИЙ ВЕТРОВЕЙ

Повесть

«Сегодня в Сибирь я сослан
по собственному желанию...»

Глава 1

Мать бежала по перрону, мимо старого здания вокзала, похожего на зеленую татарскую тюбетейку. Глаза ее панически смотрели вдаль, куда уходил поезд. Она махала зажатым в руке шелковым платком. Мать оставалась одна, без сына, без его жены. Она уже от них ждала внучку. Мать оставалась без привычных хлопот о сыне. Мать бежала в никуда. В прошлое.

А сыну было жалко ее. Жалко, что он ее бросил. Отлепился от матери своей и прилепился к жене своей. К своей судьбе. Сейчас мать придет домой, неподалеку от вокзала, а дома на Ужгородской, в недавно купленной квартире, никого нет. И нет бывшего сгнившего деревянного дома, который

она продала для уплаты первого взноса в кооператив за эту квартиру. И прежнего быта нет, вместе с соседями по двору. Ничего не осталось. Только любовь к сыну, только тревога за его судьбу в чужих краях на Алтае.

Почему-то в юности тянет сбежать из дома. Вот и его друг Маев пытался сбежать от овдовевшей матери в Ленинград. А семья была замечательная. Но хочется в юности свободы хлебнуть. Видимо, инстинкт, звериная память, когда подросший детеныш расставался с гнездом или норой, с отцом и матерью и предоставлялся самому себе. Вот так и птенец оставляет гнездо, едва научившись летать. И присоединяется к вольной стае. Вот и Борис, маменькин сынок,

Борис Константинович РЯБУХИН, русский поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, публицист, общественный деятель. Родился в 1941 году на хуторе Зимник Волгоградской области. Окончил Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. По распределению института поехал на Алтай. В 1966 году переехал в Москву. Автор многих книг. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Переводит произведения поэтов и прозаиков ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат Международной литературной премии им. Н. Тихонова, премии им. В. Максимова, им. Б. Шаховского.

Живет в Москве.

маменькин, потому что отца не было, тоже вырвался на волю.

А может быть, зря он уехал из дома? Зря покинул свой исток? Но если бы река не покидала исток, не было бы и самой реки, ее целеустремленности к устью, к морю?

«От такой жесткой женщины – сбежишь!» – сказал ему Маев. Борис так удивился и обиделся. Не ожидал, что такое можно сказать о его матери. Она такая добрая, справедливая. И всегда заступалась за Бориса, что бы ни случилось. Были, конечно, споры и обиды. Но чтобы так зло сказать о его матери... Что она Маеву-то сделала? Он у нее не учился.

Борис сочинил стихотворение, в котором была строчка: «Кончу школу – и на Алтай!» «Кончу школу» написал потому, что слово институт не вмещалось в размер стихотворения. Но все равно хвалился совпадением – или пророчеством. Потому что его распределили на работу после окончания рыбного института – на Алтай. Инженером-холодильщиком гормолкомбината. Причем сначала он выбрал Новосибирск. Но хитрован-однокурсник Никонов прошмыгнул вперед него без очереди в зал распределения и занял место на работу в Новосибирске. Подонки! Им, богачам, все можно, а нищим стыдно лезть вперед без разрешения, вот и остаются ни с чем. И Борису достался Новокузнецк. Пока он дома с женой и с матерью искал этот город по карте – Новокузнецк или Сталинск? – обсуждали, как жить в таком городе, где даже снег от копоти черный, из Новокузнецка поступил отказ – холодильники не нужны. В институте предложили замену на выбор – или в Пятигорск на винный завод, или в Рубцовск, на Алтай, на молочный завод. Проректор

Артем Захарович не советовал Борису ехать в Пятигорск. Местные армяне не дадут дорогу, сказал он с армянской улыбкой. Да и сопьешься на коньячном заводе. Вот так получилось, как Борис сам себе напророчил в стихотворении. И повез его поезд судьбы на Алтай. Сначала до его центра Барнаула. А там получит назначение на молочный комбинат Рубцовска.

Мать остановилась, задыхнулась. К ней подошел Ленька, Борин двоюродный брат-сирота. Неизвестно, где его мать горе мыкает, может, в Пятигорске, куда Борис не поехал? Где его отец-болгарин – в лагере сидит, репрессированный или в Болгарии погиб? Ленька с восьми лет, как приехал на подножке поезда с Кавказа зайцем, так и живет в Астрахани. Его родная тетка, мать Бориса, устроила его в школу, потом в мореходку, потом на кулинарные курсы. Из худенькой тростиночки вырос толстый здоровяк. У него один кулак – два кулака Бориса. Только с ним Борис смог дотащить ящик с чайной и столовой посудой. Старую горку мамину ополовинили. Кире ничего поднимать нельзя, скоро рожать. Вот и пришлось Борису с Ленькой все вещи на вокзал тащить, перебежками. Мать караулила часть вещей, а ребята по очереди приходили за вещами через каждые сто метров, оставляя на другой стороне за сторожа Киру с дочкой в животе. Не успела родиться, уже поехала на Алтай. Это жизнь дочери – до рождения!

То стихотворение об Алтае Борис наизусть не запомнил, а запись потерял.

Зато хорошо запомнил второе. Оно стало его визитной карточкой. Началось с того, что он стал иронизировать над своим выбором судьбы. И для одной из сцен для

Студенческого театра эстрадных миниатюр написал песню, сразу и слова и мотив. И на очередном праздничном концерте на сцене в актовом зале института студенты разыграли сцену распределения

в рыбвтузе. Группа артистов-сокурсников – Равиль Калиев, Шура Старожилов, Володька Белов и другие – пели эту песню, а зал со второго куплета с удовольствием подхватывал припев:

Встречайте меня, сосны!
Тайга, назначай свиданье.
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью.

Вот и сейчас под стук колес Борис невольно исполнял про себя эту песню. И действительно – про себя самого. Ну, до встречи, тайга!

Как он тогда, в 1963 году, не боялся властей, сказав вслух об этом нравственном суициде – сослать себя в Сибирь по собственному желанию?

В юную голову Борису не при-

шло осознание того, что его по-этическую храбрость мог заметить Комитет государственной безопасности?

Борис написал матери на своей фотографии на память: «Мне 23. Впереди – жизнь. И я ее сделаю!» Потом жизнь даст ответы на вопрос: «Как он ее сделает?»

* * *

Борис с первого класса пел на школьной сцене песни о Родине, получал за это призы и дипломы. Пел о ее широких просторах...

Но только сейчас в пути из Астрахани до Алтая он убедился, глядя из окна поезда, насколько широка Россия. Дни и ночи его проносило по степям и холмам, нивам и лесам. Он видел, насколько бесконечен его отчий дом, который даже в мыслях трудно было вообразить и объять.

Лишь в поезде можно все рассказать чужим людям о себе так много, особенно если попутчики такие же откровенные. Следовательно надо садиться в поезд с подозреваемыми в преступлениях, и они за «рюмкой чая» все откроют как на духу. Вот и Борису с Кирой повезло с молодыми попутчиками, которые через день-два не только разговорились, но и сроднились с ними. И обещали, конечно, помочь им выгрузить тяжелые вещи

на узловой станции Урбах. Бориса удивила и широта души простых людей. Мать, конечно, дала в дорогу и жарено, и печено. Но молодой аппетит со всеми домашними пирогами быстро справился. Соседи по купе не переставали их угощать и запасами, и продуктами, которые покупали на больших станциях, – теплая рассыпчатая картошечка, малосольные огурчики, жареная рыба. Борис с Кирой не могли себе позволить ходить в вагон-ресторан. Достаточно было чаю от проводницы да соседских угощений. Борис видел, какие дома-развалюхи стоят на периферии России, какие бедные одежды у местных бабушек и какие скудные простые продукты в кулечках газеты они предлагали на станциях. Так угощала изголодавшаяся Россия в 1963 году изголодавшихся пассажиров товарно-пассажирского поезда. А пассажиры широко делились меж собой – и пирогами, и судьбой.

Вот, наконец, станция Урбах. Борис с Кирой, уже одеты, собрали вещи. Только рук у них меньше, чем вещей. Ребята вставали долго, особенно молодая жена. Муж все ее вежливо подгонял. Хорошо, Борису надо выходить вместе с соседями. Они помогли вынести из вагона неподъемные тюки. Помогали и другие пассажиры, видя, как корячатся от тяжести поклаж молодые. Помогли принести вещи прямо в помещение вокзала, «Спасибо, земляки!» Борис с благодарностью думал об этих людях, что бы делал он в чужой земле один, с беременной женой?

На вокзале от многолюдья стоял постоянный гул. Многие пассажиры спали по лавкам вповалку. Как всегда на вокзалах, народ собрался со всех концов страны. Все слои общества – одним порядком – от нового поколения, к которому принадлежали и Борис с Кирой, до стариков, которым тоже не сиделось дома, и куда-то их несет нелегкая. Как неухоженный лес, где и зеленая крона – молодых кровей, и стволы – столпы взрослой современной жизни, и чернота корней – людей пожилых, которые этот лес создали и держат твердо на земле. И такие образы озарили Бориса именно в Урбахе – на узле тех путей-дорог, какими крепко был связан Запад и Восток в России. Там, где Уральский хребет, как сварной шов, сварил крепко-накрепко Европу и Азию. Вот как ощутил Борис обстановку, в которую попал в

это время.

Он остался один у кучи багажа, пока молодая семья и Кира побежали к транзитным билетным кассам оформить билеты на поезд до Барнаула. А там еще надо выстоять огромную очередь в кассу.

Неожиданно для Бориса ребята прибежали, стали хватать свои чемоданы и вещи Бориса. Прорва багажа?!

– Боря, билеты взяли. Скоро посадка, – прокричала Кира, схватила несколько своих сумок и побежала, горбясь, за ребятами.

Борис остался один, а перед ним – неподъемный ящик с посудой. Что делать?!

Он решительно схватил этот ящик, закинул его на плечо и побежал за Кирой к платформе поезда. И откуда силы-то взялись?

Добежав до платформы, Борис увидел, что поезда нет. «Опаздывает!» – сказала с сожалением Кира. И ящик с такой силой придавил плечо Бориса, что он его чуть не уронил. Но там ведь – стекло фужеров и фарфор тарелок. Борис присел и опустил ящик на платформу из последних сил. Как же он его мог поднять? Да, в человеке – сил громада. Говорят, это запас сил, который необходим человеку для борьбы в смертельных испытаниях. Оказывается, этот резерв можно напрячь и мобилизовать, когда прозвучит призыв: «Надо!» – когда страда или беда. Вот почему называют могучего человека «семижильным».

Начальник главка Росмолоко Орешко встретил молодого инженера-холодильщика доброжелательно. Белый, важный, плечи-

стый, с улыбкой на лице, он вышел из-за стола навстречу робко вошедшему в огромный кабинет Борису и крепко пожал ему руку.

– Здравствуйте, здравствуйте, если не шутите!

Но после вежливых вопросов о том, как доехали, сколько месяцев беременности у супруги, как понравился Барнаул, начальник оголошил Бориса:

– К сожалению, в Рубцовске новый молочный комбинат еще не построен, а на старом инженер-холодильщик есть. Поэтому в Рубцовске новый инженер пока не нужен. Но специалисты нам нужны, пошлем вас на целину, в Кустанай.

Робость с Бориса слетела в одно мгновение. Жесткие взгляды молодого специалиста и начальника главка сошлись непримиримо. Только слабость покажи, мелькнуло в сознании Бориса, – и запугают своей властью и авторитетом.

– В Кустанай я не поеду! – решительно сказал он. – На целину – с беременной женой?

– По закону молодой специалист должен отработать по распределению три года. Не знаешь законов – научим, не захочешь работать – заставим, – произнес Орешко решительно, как Бог. – Думаешь, нам легко пришлось целину поднимать? Вкалывали по две смены, спали в палатках, зимой аж чуб к брезенту ночью примерзал... Квартыры там пока нет, поселим вас с женой по отдельности в общежитиях...

– Именно по закону! По распределению я подписался в документе на должность инженера-холодильщика Рубцовского молочного комбината с предоставлением мне квартиры, – твердо и медленно сказал Борис, приподнимаясь со стула. – И прошу соблюдать предложенные в вашей заявке условия. Или же дайте мне официальный отказ из-за отсутствия должности, и я уеду в Астрахань... А жить в

палатке – сегодня времена не те. Я внештатный корреспондент молодежной газеты и знаю цену честному труду.

Оказалось, что громаду времени не пробыешь лбом. Борис хоть и принят инженером на Рубцовский молочный завод, но квартиру не получил. Жил с женой за занавеской в огромной вонючей комнате на десять жильцов в мужском общежитии. Ночью, пока все спят, за занавеску заглядывал Юрка Швабрин с выпученными испуганными глазами, протягивал неспящему Борису грелку с молоком, которое воровал с завода за пазухой, под телогрейкой, и шептал угрожающе:

– Воруй сам! Чужими руками жар загребать нечего...

– Я твой должник, – соглашался шепотом Борис, выливая молоко из грелки в трехлитровую банку, которую проснувшаяся пузатая жена Кира, достав из-под кровати, держала двумя руками.

Швабрин исчезал, с досадой махнув рукой с грелкой. А Борис резал уже хлеб, похожий на толстый блин кизьяка. Кстати, и по вкусу схожий с коровьим говном. За таким гороховым хлебом вставали в очередь в шесть часов перед работой в магазине. И то давали только по буханке на человека.

Молодые пили свежее молоко с этим хлебом, а Борис шепотом напевал: «У нас в Сан-Рубциске гулянье – гнилые витушки дают... И спирт обжигает сознание и красит сибирский уют...»

Потом, наевшись, они засыпали на железных кроватях, придвинутых одна к другой. Будильника не было. В шесть часов утра комната взрывалась от орущих спросонья рабочих. Дверь постоянно хлопала, пока ребята бегали

умыться в туалетную комнату. Борис бережно прикрывал рукой жену от той утренней бури. И когда наступала тишина, выводил Киру из-за занавески умыться.

Рабочий Рубцовск сумрачно смотрел в окна общежития. Борис медленно наматывал на ноги портянки, натягивал кирзовые сапоги и уходил на работу в компрессорный цех.

Комбинат лепил и мял его, как воск. В компрессорной нужно было проверить работу смены. Опять ночные дежурные спали и упустили подачу холода в камеры. Хотя божились, что следили всю ночь за давлением. «Давили klopa, черти», – понимал Борис. Сам не мог в ночную смену глаза разодрать, особенно в волчьи часы – с двух до трех ночи. Хотелось есть. Уже из цеха принесли кефир, молоко. Даже айран. Бориса уже разыграли с этим айраном.

– Из коровьего молока делают айран? – спросил он у высокого компрессорщика Дмитрия.

– У нас делают, – ответил он. – Попробуй.

Борис никак не мог открыть пробку на бутылке.

– А ты потряси хорошенько, – сказал проходивший мимо слесарь.

«Опять помрачнел после вчерашней пьянки», – подумал Борис. Потряс бутылку айрана, потом схватился за крышку, а она хлопнула в потолок – и весь айран выскочил, как джин из бутылки, облив инженера с головы до ног. Компрессорщики расхохотались. А длинный Дмитрий дал слесарю по зубам – заступился за молодого специалиста.

Потом молодой инженер пошел с проверкой подачи холода в производственные цеха. Первый

раз, когда подошел к огромному чану с закваской в цеху мороженого, загляделся на работу фрезера, откуда мороженое вываливалось толстой белой кишкой в цилиндр из нержавеющей стали. Оттуда продавщица потом наскабливает ложкой мороженое в вафельные стаканчики.

– Мороженого еще наешься, ты вот закваски лучше выпей с утра, – поднесла молодая работница Борису полную литровую кружку молочной холодной смеси.

– Куда мне так много! – принял кружку Борис. И стал осторожно пить. Вкусно, как мороженое, выпил с жадностью, но только половину. – Больше не могу.

– Потом сможешь, – забрала кружку работница, подмигнув Борису.

И не ошиблась. Каждое утро Борис пил это лакомство, полную кружку. И быстро лицо округлилось. И сытно, и вкусно. Жалко только, что Кире он не мог этого напитка принести.

Кира обычно любила посмеяться. Тем более Борис часто шутил. Но на Алтае было не до смеха. Не заливался звоночек родного голоса жены. Она все время хотела вернуться домой. Но по закону Борису нужно было проработать на комбинате три года. Приближались роды. Да и денег на билеты не было. Положение безвыходное. Борис видел, как, доглаживая его рубашку, Кира молча роняла слезы на утюг, и он шипел. Но промолчал, и ничего не спросил.

А слезы говорили о том, что нервы жены были напряжены. И не только тоской по родному дому. Кира страшно переживала, что Борис мог поступить сразу в аспирантуру в своем институте. Ведь проректор Артем Захарович писал

музыку на его стихи. Он бы мог взять к себе на кафедру теплотехники умного аспиранта. Так нет, муж даже не обратился к нему с такой просьбой. Чудака позвал Восток. «Сегодня в Сибирь я сослан по собственному желанию». А она должна стать почти декабристкой и на шестом месяце беременности отправиться за любимым поэтом в сибирскую «ссылку». Оставив южный город, родную мать, отчий дом и толпу поклонников ее таланта. Ведь она была прямой в студенческом драмкружке. Играла Луизу в пьесе Шиллера «Коварство и любовь». Хотя так и не смогла избавиться от легкой картавости. Не каждая жена сможет так пожертвовать собой ради мужа.

А он еще заставляет ходить на учебу в вечерний институт. Мать Бориса прислала ее документы об окончании второго курса факультета промысловства Астраханского рыбного института. Ходила на прием к проректору и выпросила документы у Щербакова, чтобы оформить перевод Киры на заочное отделение рыбвтуза.

Но Кира учебу забросила. Надо сначала родить. А беременность проходила сложно. И Борис согласился, в конце концов, отложить ее учебу.

Однажды Кира упала на улице в обморок. Не то от беременности, не то от голода. И такой здесь народ – никто не остановился и не

помог подняться. Борис сказал, наверное, потому, что многие в Рубцовске – оставлены после тюремных сроков на поселение. Бывшие зеки или их дети и внуки. Сказал так тихо, что она не сразу сообразила, о чем это он шепчет на ухо, или хочет поцеловать ее ушко.

Борис сам видел, что нет в Сибири ни молочных рек, ни кисельных берегов. С утра, к шести часам он бежал на конец Вокзальной улицы в магазин, где уже стояла очередь за хлебом. И вспоминалось ему, как еще дошкольником в Астрахани он занимал с утра затемно очередь в хлебном магазине Дербенева, пока бабушка Анисья растопит печку, подоит корову и придет к магазину. А очередь растет, сжимается, становится теплее от прижавшихся тел, зашумит, когда начнут считаться, а Боря показывает бабушке номер, написанный химическим карандашом на ладони. Он уже умел считать и номер говорил по одной цифре два-пять семь... И вспоминал жуткий страх, когда начинали все давить друг друга у раскрывшегося окна магазина, а бабушка кричала: «Осторожней, тут ребенок!», отталкивая от Бори шумевших очередников.

Борис приносил хлеб, еще горячий под полушубком, а Кира с горьким вздохом говорила опять одну и ту же фразу: «Алтай – хлебов! А хлеб – один горох».

Глава 2

В Рубцовске было двоевластие. Старым молочным заводом руководил пожилой военный Петров Петр Петрович, без образования, но с большим авторитетом. Правда, это не мешало рабочим звать его «Перпером». А

новостроящимся городским молочным заводом правила крикливая Масыкина (ее за глаза называли Масычкой). Но она протягивала свою руководящую руку и на вотчину Перпера. Он не возражал. Хотя с подчиненными Перпер

шутки не шутил. Видимо, остался опыт обращения в молодые офицерские годы с зеками.

И вот молодой инженер Борис Карин был впервые приглашен на очередную планерку в кабинет директора Петрова. И Петр Петрович на чистом глазу говорит:

– Совещание при директоре считаю открытым.

Борис прыснул в кулак. Но все смотрели вперед сосредоточенно, по-деловому. И Борису стало стыдно.

А Петр Петрович поставил главную задачу:

– Инженеру нужно на этой неделе решить вопрос с краньями.

И Борис не вытерпел и расхохотался.

– Вон отсюда, бесстыжая морда! – побагровел вскричавший директор.

И Борис вылетел как пробка из кабинета, не в силах сдержать смех. Но к удивлению в коридоре он не услышал смеха из кабинета директора, чем был очень озадачен. Навсегда.

Поэтому Бориса закрепили за новым гормолзаводом, за Масыкиной. Дела на стройке нового гормолзавода шли не шибко. Который год откладывался пуск городского долгостроя. С другим холодильщиком, Женей Боговым, который тоже оканчивал Астраханский рыбвтуз, Борис ходил на стройку через день. Один по штату был инженером на старом заводе, другой – на строящемся, курируя монтаж холодильного оборудования. На каждой планерке у директора Масыкиной пытались назначить сроки выполнения каких-то конкретных работ, тыча рукой в рабочие чертежи. Спрашивали, что думает Борис Константинович. А что он

мог думать? И какие сроки могли быть на Алтае. Этот долгострой не могли запустить уже семь лет.

Бориса попросили проверить разводку горячих и холодных труб. Он залез на трассу – а там стальная паутина. И черт их знает, как разные трубы соответствуют чертежам? Молодой специалист – как чистый лист... Начинать – всегда трудно. А коли начал – так держись. Может, Женька Богов поможет разобраться с этими трубами. Вообще такое задание лучше выполнять вдвоем.

И вместо того чтобы сдаваться, Борис решил наступать. Пришел к директору завода Масыкиной с заявлением: «Прошу решить вопрос с предоставлением мне с женой на восьмом месяце беременности квартиры, которую обязались предоставить мне, как молодому специалисту, по заявке при распределении из Астраханского рыбвтуза. В противном случае вынужден вернуться домой в Астрахань и обратиться с иском в суд».

– У молодых много претензий, – зло сказала Масыкина. – Уедешь – скатертью дорога...

Борис решительно встал и направился уходить.

– А может, пустит вас Богов? Он – холостяк, – услышал он за спиной голос Масыкиной, но закрыл за собой дверь.

Почему не остановился? Да потому, что узнал искусителя мира в юбке. Ему – душа, тебе – квартира? Не на того нарвался, бес! Борис привык жить по чести и по совести.

Не советуясь пока с Кирой, он купил бутылку спирта и, не раздумывая, поднялся на пятый этаж кирпичного дома в квартиру Богова.

– Пришел совесть спасать, – выпалил с порога.

Поставил бутылку на стол и выдал директорское предложение, чтобы не нарушить их дружеский союз.

– Что делать? Они хотят за счет тебя выполнить свое обязательство мне.

Женька Богов налил по полстакана спирта каждому, а в третий стакан – холодную воду Борису. Сам он спирт не запивал. Отрезал по кружку вареной колбасы, которую рабочие меняли на сметану с дружками с мясокомбината. Чокнулся с Борисом, выпил, закурил. И сказал:

– Перебирайтесь хоть сейчас!

Борис был так потрясен, что даже не запил огненный спирт холодной водой.

Вечером в общежитии Борис торжественно сказал Кире:

– Нам дали квартиру. На троих.

– А кто третий! – не поняла, расширив удивленные глаза, Кира.

– Тот, кто толкается, – погладил Борис ласково живот Кирпы и боязливо отдернул руку: – Ой, толкается изо всех сил.

– Девочка с большими голубыми глазами, – опять стала спорить она.

– Нет, мальчик с маленькими карими глазами, – упорствовал он.

И ее большие голубые глаза тоже спорили с его маленькими карими глазами, стреляя друг в друга задорным взглядом.

Борис и Кира перешли в квартиру на пятом этаже кирпичного дома, не дожидаясь переезда Жени Богова.

Бывший хозяин решил оставить ему и всю мебель: кровать,

стол, старый диван и кухонный уголок. А куда он возьмет это в мужское общежитие? Все равно квартира с мебелью принадлежит гормолзаводу. Молодоженам не верилось, что у них теперь есть своя квартира, свой дом. Борис горячился:

– Люди порой полжизни ждут получения квартиры. Стараются работать на одном месте династиями, ломают горб, угождают начальству, чтобы их выбрали в местком, в партию. Порой устраивают интрижки и подсижки, чтобы влезть в передовики, в первые ряды очередников на квартиру. А мы только начали самостоятельную жизнь – и сумели получить квартиру. Это потому, что я поехал на целину молодым специалистом. В Астрахани нам бы никто не дал квартиру и после десяти лет работы.

Теперь в выходной день надо забирать со склада свой багаж, решил Борис, поставив у дивана чемодан, в котором собрал свои шмотки и вещи жены. Богов перевез свои вещи в дом своей девушки. Может, решится быстрее жениться на ней. Девчонка неплохая. Любит его. Хотя он пристрастился к спиртному. Женька, конечно, видный. Высокий, блондин. Лицо интеллигентное. Играет на гитаре. Учит самостоятельно английский. Читает английскую книжку со словарем. Но страшный молчун. Слова от него не дождешься. Особенно, когда выпьет.

Кира с Борисом улеглись на ночь на раскладном диване.

Буквально на другой день вечером в квартиру Бориса пришли гости. Это был Швабрин со своей женой Ниной, Шлепенчук с женой Людмилой. Кира обрадовалась гостям. Юрка Швабрин принес

сосиски – шабашку с соседского мясокомбината, Виктор Шлепенчук – бутылку вина и бутылку спирта. И жена срочно стала варить сосиски, чистить картошку и жарить ее на постном масле. Хорошо, что теперь своя кухня есть, с газовой плитой. Вкусная у нее получалась картошка. Чуть прикроет сковородку крышкой в конце жарки – и картошка мягче. Быстро накрыли стол, расселись поудобнее, сфотографировались, пока трезвые, разлили по стаканам. Первый тост вызвался сказать Швабрин. Длинный, как Маяковский, и стрижка такая же, губы тонкие поджаты и глаза навывкате. Поднял руку, чтобы все замолчали, и вдруг, держа стакан с водкой, пошел от стола к входной двери.

– Держи, уйдет! – засмеялся Борис.

Но дверь распахнулась, и Швабрин вкатил в квартиру детскую кровать, а в ней – кастрюли, сковородка, ведро, детский горшок и полно всего. Все закричали:

– Ура-а!..

– С новосельем! – произнес короткий тост Юрка Швабрин. И все выпили и загалдели.

– Целое приданое... Ничего, что БУ – бывшее в употреблении – в хозяйстве пригодится... Ребенку первое дело – нужны кровать и горшок... Ой, дайте воды спирт запить, не чую рта...

– Давайте выпьем за горшок, это хорошо! – предложил Борис и расплакался.

– Спасибо, спасибо, ребята! – растрогалась Кира, вытаскивая из деревянной кровати утварь и раскладывая рядом на пол вдоль голубой стены. – Вот помогли.

– Мы же соседи, – сказала мягко Нина Швабрина, – обязаны помочь.

И Борис почувствовал, что он не один в чужом городе со своим Кирёнком. Рядом – добрые люди. И даже сказал об этом в своем очередном тосте.

– А вот ты, Борис, не внимательный, – вдруг сказала захмелевшая Людмила.

– Почему? – испугался Борис.

– А потому что я не только жена Виктора Шлепенчука, я еще главный инженер рубцовского гормолкомбината. А ты на комбинате утром буркнешь «здрате» и проходишь мимо.

– Начальство надо уважать, как я, – засмеялся Шлепенчук, приглаживая торчавшую вверх густую щетину упрямых волос.

– А я и не понял, что твоя жена и моя начальница одна и та же... красивая женщина, – оправдывался, подмигнув, Борис. – Извините великодушно!

– То-то – знай наших! – успокоился Виктор.

Борис привез с вокзала вещи на машине, а рядом уже никого не было. Женька был на работе на дежурстве, а Кира в больнице. Борис поехал с утра на заводской полуторке с мрачным шофером за своими вещами в камеру хранения железнодорожного вокзала.

После вечеринки врачи положили Киру на сохранение в больницу. Ничего страшного, говорили они. Упала опять в обморок – значит, лучше полежать на больничной койке. Роды могут быть преждевременными.

Борис отвез жене в больницу свое «лекарство» – бутылку молока.

Отчего Кира уже не первый раз падает в обморок?.. Вроде неизнеженная. Терапевт крутил усами смешно, обдумывая диагноз.

Но Борису было не смешно. Он тоже недавно в бане упал в обморок, от жары, наверное, перегрелся. Очнулся, когда на него голые мужики вылили ушат холодной воды.

Жена тоже не раз падала в обморок еще в Астрахани.

«Возрастное, пройдет, – успокоил врач Киру в женской консультации. – После родов пройдет».

Шофер заводской машины привез к дому багаж и скинул его с кузова на землю. Борис попросил его помочь донести ящики на пятый этаж, но он молча повернулся и уехал.

Надо платить, а у Бориса – нечем, ждет получку. Предложенная трешница шофера не устроила. Ждать Женю несколько часов до вечера перед подъездом стыдно. И Борис решил сам поднимать вещи, особенно этот проклятый ящик с посудой, который они с Ленкой еле дотащили до Астраханского вокзала. Борис знал только один способ справиться с

таким грузом. Перекатывать его, осторожно со ступеньки на ступеньку лестницы на пятый этаж его кирпичного дома, чтобы не разбить всю посуду внутри ящика. Шум в подъезде был большой. Ломая спину, такелажник все же видел краем глаза, что от грохота соседи, глянув из своих приоткрытых дверей, закрывали их, пряча бессовестные глаза от нового жильца. Выходит, не все соседи обязаны помочь.

«Умрешь – и никому нет дела!» – ворчал про себя надрывисто Борис.

Учились жить среди людей на поселении его душа и тело. Почему-то вспомнилось, как выучил его плавать двоюродный брат Ленка в детстве – бросил на глубине и ушел на берег, барахтайся, выплывай. Барахтайся, тащи ящик за ящиком по ступенькам, по ступенькам. Учись одолевать трудности жизни по ступенькам, перекачивая по ступенькам бремя жизни. И вдруг на поэтическом взлете в сознании возник вопрос: «А сам чужому бы помог?»

Глава 3

В субботу Борис встречался с друзьями-поэтами литературного объединения «Старт» в доме культуры АТЗ. Руководителем и душой кружка был Иосиф Григорьевич Ясинский. Обаятельный, грамотный, знающий литературу. Сам писал очерки, рассказы, даже драмы. Борис перезнакомился со всеми членами кружка – Валерием Петрушиным, Болтовским, Юрием Швабриным и другими. Как всегда, были споры о публикациях стихов в следующем субботнем номере газеты, упреки

редактору, что мало платит. Почему всем по полтора рубля, а Карину три рубля.

– Подумаешь, шедевр – «Чайник делал бурю». Ну, кипел чайник, пока парень вытряхивал одеяло на морозе. И что такого? – задирался журналист Юрий Рушенцов.

– Потому что душа бурлила у парня, – отбивался редактор.

Вдруг поднялся со стула новенький автор. Он только что принес несколько первых своих стихов в газету.

– А Карин есть сегодня здесь?
– спросил этот битюг в тулупе на
плечах.

Борис поднялся тоже:

– Я – Карин

– Я на вас пародию написал, –

протянул парень листок с сочине-
нием.

Борис посмотрел на текст и
прочитал вслух:

«Пародия на стихотворение

Бориса Карина.

ДИАЛОГ

– Облака мои косматые,

Далеко ль ва-ам?

– Далеко-о!

– Небеса мои крылатые,

Высоко ль ва-ам?

– Высоко-о!

– Но малы мне мерки ваши –

Мне и выше-е, мне и дальше-е!

(Борис Карин)

Вышел рано утром в поле

И кричу:

– Облака, мне ваша доля

По плечу-у!

Захочу и улечу я

Далеко-о!

Облака в ответ с восторгом:

– О-го-го!

Разошёлся я и гордо завопил:

– Я летаю без руля и без ве-
трил!

Небесам со мной тягаться не с
руки,

Мои мерки для них слишком
велики!

Ох, зачем такие словеса?

Говорил сто раз: не заводись!

Вдруг дождём пролились не-
беса,

И раздался голос:

– Охладись!

Все рассмеялись. А Швабрин
сказал:

– Попал в точку. Он же ин-
женер-механик по холодильным

установкам.

Борис был и рад вниманию, и
краснел от смеха ребят. Но виду не
подал. Сказал парню:

– Спасибо... Только надо не-
много подправить. Вы написали:
«Вдруг дождём пролились небе-
са», а грамотно – с другим ударе-
нием – пролились.

– Тогда размер стиха нарушит-
ся, – заспорил Рушенцов.

– Вот и надо подумать, как ис-
править, – покраснел, как рак, Бо-
рис.

– Я подумаю, – забрал свой ли-
сток парень. – Только почему вы в
сапогах приходите в редакцию? –
И ушел.

– Обиделся, – вздохнул Шва-
брин. – А здорово ты его отша-
брил, – улыбнулся он Борису.

– Певцы в кирзовых сапогах, –
подал голос редактор. – У меня с
возрастом ноги болят, но я и в мо-
роз в ботинках хожу в редакцию
газеты. В святая святых...

Мать прислала Борису посылки с валенками и полушубком. Купила на овчинно-шубной фабрике у рабочих за полцены. И то пришлось отдать всю зарплату, а самой жить не на что. Как она, бедная, жила? Зато спокойна, на алтайских морозах сын не замерзнет. А на Киру, конечно, денег нет, у нее родители богатые, мать с отчимом оба работают. Она бухгалтером, деньги сами к рукам прилипают. Он – какой-то начальник на заводе, на водку находит денег и на падчерицу может найти, купить ей что-нибудь тепленькое. Зимнее пальто износилось, нужно купить ей новое, мечтает с воротником из песка. А этот песец стоит больше, чем все пальто.

Так что на работу в компрессорный цех Борис ходил в теплом черном полушубке. Только сапоги пришлось снять. Механик сказал ему:

– Борис Константинович, что же ты в сапогах на работу ходишь? Все-таки инженер, руководитель. Вид у тебя какой-то жуткий. И не похож ты на спецов.

– Холодно в ботинках, – пытался оправдаться Борис. – А пор-

тянки теплые, байковые. Ребята научили заматывать их ловко, чтобы не натирали ноги.

– А вы на одни носки надевайте вторые носки, будет теплее в ботинках, – посоветовал хитрый механик. Роста небольшого, но широкий, крепкий мужик. И знающий, хоть без образования. Борис не стеснялся у него спрашивать, учиться инженерному делу.

Пришлось ходить на работу в ботинках. А тут еще в редакции газеты устыдили за сапоги. Вспомнилось Борису, как в детстве тетя Оля купила ему маленькие сапожки в подарок. Красивые, посчитал Борис. Надел их и пошел погулять по центральной Советской улице в городе. Вернулся домой – мать увидела сапоги – и обмерла.

– Где ты взял? Сними сейчас же! – кричала мать, стаскивая с него сапоги.

Борис испугался, но не расплакался. Больше он их не видел. И мать ничего не объяснила. С годами все забылось.

Потом понял, когда мать обмолвилась:

– Мы вырвались из коровника. Я – учительница, а ты – инженер.

В магазинах почти ничего из продуктов не было. Алтай – край хлебный. А подняли целину – и жрать нечего. Город при молочном комбинате, а на полках – ни молока, ни сливочного масла. Жили Борис с Кирой в основном на жареной картошке и на гороховом хлебе. Приходилось жарить картошку на маргарине или вообще на маргусалине, который как солидол. Да и денег лиш-

них не было. Кто тогда был беднее инженера?

Кира была нетребовательной. Она старалась как-то экономить скудные девяносто рублей зарплаты Бориса. Радовалась, когда перепадал небольшой гонорар. Возмущалась, что нечего купить в магазинах и на рынке.

– Что же завод не продает для своих молочные продукты? – спросила как-то Кира у мужа.

– Не продает, я узнавал, – сожалеет Борис.

Он-то был сыт, а жене ничего добиться не мог.

Кира ждала, когда Борис пересилит себя и будет приносить с работы продукты. Как приносил им раньше Швабрин. Она понимала, что на молочном заводе даже честный старался принести домой «шабашку». А Борис был не только честный, но и трусливый. Молодой инженер-холодильщик быстро стал известным как «неворующая власть». Когда он входил в раздевалку, где переодевались рабочие в конце смены, то с его появлением шум смолкал. Все переодевались тихо – как воды набрали в рот. И тайком прятали приготовленные на вынос молочные свертки. Порой он ловил на себе чей-то недобрый взгляд. Раз не воруюшь – ты чужой. Может сообщить куда следует.

Одна из работниц, которой Борис приглянулся, несколько раз увещевала его:

– Борис Константинович, что вы беременную жену голодом морите? Положите в карман хоть кусочек сливочного масла.

Борис отшатывался от этого соблазна.

Но однажды Кира не выдержала и крикнула ему в лицо, широко раскрыв серые глаза в слезах:

– Ты трус! Трус!

И на другой день Борис сам попросил эту работницу в конце смены:

– Клавдия Ивановна, отрежьте мне маленький кусочек масла.

Она с готовностью ему моргнула. Но когда Борис пришел в бытовку переодеваться, потихоньку от других передала ему в пергаментной бумаге большой

кусочек масла, килограмма на два. Он испугался, пытался ей вернуть, но работница сказала, суньте руку со свертком под халат и спокойно пройдете через проходную. Бориса бросило в жар. Попался он соблазнителью. Через проходную шел, как через пожар. Под халатом пергамент шуршал за спиной, как ураган. Борис принес домой масло – и дал обет: никогда, ни за что больше в жизни не воровать.

А на другой день пошел к директору завода с заявлением выписать ему на месяц хоть два килограмма сметаны за его счет.

Но получил отказ – не положено, молочный завод не имеет права продавать молочные продукты частным лицам, даже своим работникам. Борис не сдавался, обратился в Росмолоко к Орешко, сделать исключение в связи с беременностью жены. И директор завода Масыкина сдалась. Написала приказ по гормолкомбинату.

– Но под мою ответственность! – кричала она вслед удовлетворенному Борису.

С копией этого приказа и кастрюлей на два литра, которая нашлась в молодом хозяйстве, Борис пришел на следующий день к товароведу на заводе. Тот раскрыл бидон, зачерпнул из него большим ковшом и бухнул чуть ли не полную кастрюлю сметаны.

– Мне только полкило, – вскрикнул Борис.

– Сейчас, я буду тебе развешивать, – засмеялся товаровед. – Иди домой! У тебя же документ на руках.

В этот раз через проходную он прошел с меньшим волнением. Но все равно боялся, что остановят и привлекут за воровство.

Но Кира была страшно довольна. Только боялась, что сметана пропадет в жаркой квартире, даже в холодной нише под подоконни-

ком вместо холодильника. Но сбегла сверток в холодной воде, и съели все до капли.

Глава 6

В честь Праздника Победы после дневной смены компрессорщики организовали вечерний стол. Попросили Бориса как начальника принести водку.

– Полбанки хватит, – сказал старый сменщик, – да и ребята спирт принесут.

Почему-то в голову взбрело, что полбанки – это четвертушка водки. А уточнять у пожилых людей было стыдно. Борис обошел все близлежащие на Вокзальной улице продмаги, нигде четвертушек не было. Наконец, кто-то его послал на сам вокзал. Там Борис и купил чекушку.

– Ты что же маленькую принес? – упрекнул его старик.

– Денег с собой забыл взять, – нашелся Борис, загоревшись от стыда.

Но стол был обильный, спирту много. Подошла и вечерняя смена.

Настроение веселое. Жидоморство Бориса забыли. Выпили за Победу. А за участника войны долговязого машиниста Палыча сказал тост Борис, глядя на две Красные Звезды на его пиджаке. Тот размяк. Пока все шумели, разговорился поддружески с Борисом:

– Смотрю на тебя, молодой, еще зеленый специалист. Стоишь перед компрессором – дурак дураком. – Машинист положил на острое плечо Бориса теплую руку, чтобы не обижался. – Ничего, освоишь. Вот в стихах ты больше понимаешь. За твое стихотворение ко Дню Победы в нашей газете, большое тебе спасибо. «Носите свои боевые награды вы, юность живая дорог фронтовых...» – продекламировал захмелевший компрессорщик, крепко обнял Бориса и пустил слезу, – стихом своим ты уважил фронтовиков... Хорошо!

Глава 7

Слова ветерана войны «стоишь дураком» ранили самолюбие Бориса. Он решил реабилитироваться и вообще вводить на гормолзаводе какие-то профессиональные новшества. Все время на планерках ругали машинистов, что не держат нужного температурного режима.

– Когда будет холод в камерах? – спросила его на планерке директор Масыкина.

– Когда кончится лето, – так же резко ответил Борис.

– Вы что, смеетесь, вместо

того чтобы обеспечивать низкую температуру в холодильной камере?

И Борис вспомнил из институтских лекций, что двери камеры прикрывают от встречного воздуха брезентовыми занавесками. Он попросил разрешения сделать такие занавески, чтобы холод не ускользал в открытые двери при погрузке-разгрузке камеры. Предложение понравилось и было принято. Занавески повесили и приказом потребовали тщательно закрывать двери.

Но заметного результата не было. Из-за жары опять на планерке разразился скандал. Продавцы ругали завод, что мороженое в брикетах поступает в продажу слабое. Из-за этого его не хотят покупать или возвращают продавцу. Скандал дошел до главка. Вызвали в Барнаул на «ковер» инженера-холодильщика и технолога завода.

– Инженер молодой, не знает, что предпринять, – сказал технолог.

– Что вы скажете на это? – спросил Бориса начальник главка Орешко.

– Вафельные стаканчики будем делать, раз мороженое быстро тает в брикетах, – попытался технолог заступиться за Бориса.

Припертый к стенке, Борис вспомнил разговор работников

цеха, что вафельные стаканчики не могут делать, потому что последний мешок муки технолог на своем мотоцикле куда-то увез.

– Вы же муку увезли? – ляпнул Борис технологу в глаза.

В кабинете наступила мгновенная тишина.

– Ладно, разберемся, – встал Орешко, протягивая руку каждому на прощание. – Оба думайте, как мороженое спасти в такую алтайскую жару.

Но думать вместе не пришлось. Технолог ушел в отпуск и больше на заводе не появлялся, уволился.

Тогда Борис и не подумал, что в это конвейное время могло с технологом случиться. Просто переживал, что сгоряча наябедничал, хотя мать его с детства отучала от этой подлости.

Глава 8

Борис за смену набегаются по цехам на работе. Придет домой уставший, поужинает и заваливается на диван на часок, пока кости гудят. А Кира пристроится рядом и начинает допытываться, с кем ее муженек раньше гулял. Расскажи, да еще подробнее. Ей было скучно одной, да с тревогами за будущего ребенка, вот она и искала общения с мужем, узнавая о конкретных эпизодах его жизни. Борис умел рассказывать. Правда поначалу стеснялся говорить всю правду, но Кира чувствовала, что

он не все рассказал, и пыталась его вопросами. В общем, Борис рассказывал. Поддавшись объяснениям Киры, что она его так учит лучше владеть словом, если он писатель. Получались целые новеллы. В основном о его дружбе с Люськой.

А пока Борис рассказывал Кирёнку, как дружил с Люськой. Раз писатель, то скрывать ничего нельзя. А скрывают как раз самое интересное.

Вот одна из новелл.

СОПЕРНИЦА

В маленькой прихожей квартиры еле уместилась вешалка и старое трюмо со столиком. Из комнаты слышится приглушенная музыка, но какая-то тревожно-таинственная.

Седая женщина в брючном костюме вышла из комнаты, открыла на повторный звонок входную дверь. От замешательства ее пальцы с маникюром запутались в дверной цепочке.

– Сейчас, сейчас! Ну что такой нетерпеливый? – попеняла она извиняющимся тоном.

Потом схватила с вешалки черную шубку и стала запихивать ее в тесный стенной шкаф, прикрыв её собой от меня. Из кармана шубки выпали на пол четверо ручных часиков. Отряхиваясь от снега, я нагнулся их поднять, но нахмуренная женщина успела схватить часики, запихнуть поглубже в карман шубки и запереть дверь шкафа.

Я закрыл на цепочку и накладной замок входную дверь и только тогда сказал:

– Здравствуйте, Вера Васильевна! Кира дома?

– Раздевайся, Борис, здравствуй!.. Лучше бы ее не было, – сокрушенно махнув рукой, ответила женщина, смахивая рукой снег со спины гостя. Музыка в соседней комнате умолкла.

Я глянул на закрытый шкаф, подумав, – знакомая мерлушка.

– Вы все воюете с ней? – усмехнулся я, снимая пальто, и услышал, как из-под пиджака выпали на пол три гвоздики, завернутые в целлофан. Быстро поднял их и стал разворачивать обертку.

– Кто же цветы за пазухой носит? – укоризненно покачала головой Вера Васильевна.

– Чтобы не замерзли, – улыбнулся я, положив цветы на столик трюмо.

Потом повесил пальто на крючок вешалки на место шубки, а шапку-ушанку положил на полку вешалки. И вздрогнул – рядом с моей шапкой на полке лежала женская шапка из целого белого песка. Люськина шапка? Я почувствовал настороженную тишину в доме, мой недоуменный взгляд встретился с растерянным взглядом Веры Васильевны, в глазах ее

читалось: «Шапку надо было тоже спрятать». Она отвела глаза в сторону и тихо сказала:

– Проходи в комнату, – и ушла туда, откуда вышла.

Оставшись один в прихожей, я нервно стал снимать тесные зимние ботинки, нащупал лежащие под трюмо домашние тапочки. Поправил перед зеркалом галстук, пригладил волосы. Наклонился к зеркалу, сделав дурашливую рожу, и расплылся в довольной улыбке. Взял со столика трюмо гвоздики, бодро вошел в комнату и... замер в дверях.

В комнате за столом на краешке стула сидела черноволосая девушка в коротком кримпленовом платье. Я увидел виновато улыбающееся и в то же время торжествующее лицо Люси. Рядом с ней на диване в халате сидела моя заплаканная блондинка, с распухшим от слез крупным носом. Она смотрела на гостью с явной ревностью во взгляде. Наконец она обернулась ко мне с каким-то недоверием и даже страхом. Около девушек на тумбочке стоял выключенный магнитофон. Вера Васильевна была тоже здесь, сидела на стуле за столом, демонстративно отвернувшись к окну.

Мое растерянное лицо налилось жаром и злостью. Как можно спокойнее я сказал Люсе:

– Что ты здесь делаешь? Сейчас же уходи отсюда!

– Признал? – обиженно усмехнулась Люся.

Заплаканная Кира вскочила как ужаленная с дивана, заслоня собой Люсю, и, слегка картавя, осадила меня:

– Что ты здесь хозяйничаешь? Она пришла ко мне – и пусть остается. И... – голос Киры сорвался, –...и фактически твоя жена!

От меня она кое-что знала о Люсе. Теперь знала все из ее слишком откровенных уст.

– Она врёт, Кира! – сказал я.

Но Кира не хотела на меня смотреть и не желала слушать. Она с силой включила магнитофон и плюхнулась опять на диван.

«Позови меня, позови меня! Хоть когда-нибудь позови!..» – умоляла певица. На этом запись кончилась и наступила тишина.

– Люся очень точно рассказала, как умеют ласкать только твои руки, – всхлипывая, сказала Кира.

А в это время руки Веры Васильевны незаметно для девушек снимали с комода женские золотые часики, вынимали из шкатулки серьги и незаметно прятали их на груди за вырез платья. Потом она выключила работающий в холостую магнитофон, взяла из моих рук цветы и вышла с ними из комнаты.

– Если ты не уходишь, тогда уйду я, – в отчаянии буркнул я и выскочил в прихожую вслед за Верой Васильевной.

От стыда, не видя ничего, кинулся к вешалке, схватил пальто. И в этот момент услышал рядом тихий голос Веры Васильевны:

– Крепись, не убегай!

Это было спасением: хоть кто-то был за меня в тяжелой ситуации. Моя рука застыла на воротнике висящего пальто, потом медленно опустилась. С красным растерянным лицом я заставил себя повернуться к Вере Васильевне.

– Если влип, значит, еще телок, – утвердила она мою решимость не сбежать от позора. И протянула вазу с водой и гвоздиками, кивком головы направляя меня к двери в притихшую комнату. Я положил на полку свою шапку, которую успел схватить перед бегством.

Моя шапка столкнула Люськину шапку из песка на пол. С остервенением я подхватил ее и сунул на полку. Взял вазу с цветами из рук Веры Васильевны и вошел в комнату, как в горящую избу.

Кира продолжала лежать на диване, свернувшись калачиком. Как ей горько! – говорил весь ее сжавшийся вид. Люся, потупив голову, сидела у стола и водила пальцем по рисунку на клеенке, как по карте сражения. Она тяжело задумалась, одна бровь у нее приподнялась – невеселые, наверное, у нее были сейчас думы о своем положении непрошеной гостьи в этой квартире. Это выдавал ее трясущийся палец.

Я поставил вазу на стол, чуть ли не на руку Люси. Она ее быстро отдернула. Подняв голову, Люся осуждающе глянула прямо на меня. И невольно заметила, как я смерил ее заинтересованно с ног до головы.

– Что это ты вырядилась? – спросил я, садясь в кресло.

– Чтобы понравиться, – просясь, ответила Люся. И вдруг быстро повернулась к Кире и выкрикнула со злорадством:

– Он мой! Он до сих пор мой!

– Если твой, – быстро напряглась от удара Кира и приподнялась на диване, – что же ты его не берешь? Возьми его! – указав на меня.

Я возмущенно вскочил с кресла:

– Ну, знаете... –

– У нас ребенок, – перебила громко Люся, и эти слова заставили меня поперхнуться.

Я вспомнил, как Люся с матерью пришла к нам домой после размолвки на улице из-за ее беременнности. И ее мать просила и требовала, чтобы я женился на Люсе.

Люся сделал аборт. Я приходил к ней в роддом. А теперь меня шантажирует?

– Не ври! – закашлявшись, сказал я. – Ты меня все время шантажировала этим вымышленным ребенком, которого я ни разу не видел.

Лицо Киры сморщилось опять от нахлынувших слез отчаяния.

– Еще увидишь, – услышала она дрогнувший голос соперницы, взглянула на меня широко раскрытыми большими серыми глазами, полными слез и отчаяния, и сказала:

– Какой ты грубый с женщиной!

– Девочка! Ей два с половиной годика, – подливала масла в огонь Люся. Но решительность исчезала с ее лица. А на смену появлялся страх, глаза заметались, она вся сжималась, глядя на дверь.

Там в дверях стояла Вера Васильевна с мерлушковой шубкой и с белой песчовой шапкой в руках. Она вынула из кармана шубки несколько пар женских часиков и, протянув их на ладони, пошла к Люсе.

– Почему у тебя столько часов в кармане? – спросила она испуганную Люсю.

Та вскочила со стула, метнулась к Вере Васильевне, выхватила у нее шапку и шубку.

– Это не мои часы, не мои! – торопливо одеваясь, отпиралась Люся.

– Конечно, не твои, а ворованные, – услышал я удар Веры Васильевны.

– Не мои, – грубо крикнула Люся. – Нахалку мне не шей! – нахлобучив шапку, она оттолкнула руку с часиками – и Вера Васильевна рассыпала их по полу.

Люся выскочила из комнаты. Кира и я кинулись подбирать часы,

чтобы успеть их отдать Люсе.

Вдруг в дверях появилась вернувшаяся Люся и грубым голосом сказала:

– Даже если вы поженитесь, я всегда буду стоять между вами. Я в институт пойду. Позором умоюсь, но все про него расскажу. Не видать вам комсомольской свадьбы, как своих ушей, – перешла она на истерический визг.

– Врешь, воровка! – решительно повысила голос Кира, взяла часики и сунула их в руки Люси. – Ступай вон отсюда, пока милицию не позвали!

– Слепой сказал, увидим, – ухмыльнулась Люся, подняла упавшие часики, и вышла, хлопнув за собой дверь. Из прихожей слышался голос: «У меня брат часы чинит». И входная дверь захлопнулась.

Вера Васильевна вышла запирать квартиру на цепочку.

– Хорошо, что в ЗАГСе дают месяц подумать, – сказала, садясь обессилено за стол на место соперницы помрачневшая Кира.

– Не болтай! – прикрикнула на нее вернувшаяся в комнату мать. – Давайте лучше сыграем в дурачка. Она подошла к комоду и стала раскладывать на прежние места часы, кольцо и серьги и взяла из коробочки карты, прислушиваясь к нашему разговору.

– Давно прошло это увлечение. А она преследует меня, как живая тень, – убеждал я Киру. – Но вряд ли она ворует.

– А может, это и есть твое счастье? Ведь она тебя любит, – размышляла вслух Кира.

Вера Васильевна присела к нам за стол и стала раздавать карты.

– Она просто аферистка, ямщица, – сказала она уверенно. – И никакой брат не чинит часы. Она и

любовь так же крадет, – и открыла козыря даму пик.

Борису показалось, что лицо Дамы пик оживает и превращается в злой профиль красивой Люси.

– Злодейка, – шепчет Кира.

– Играй, дочка, – говорит Вера Васильевна.

И все берут карты в руки.

Как только Борис увидел Киру в шотландской юбке в профкоме института, сразу почему-то решил, что она будет его женой. Это в юности кажется, какие мы прозорливые. А на самом деле – все судьбой предначертано заранее. Родившийся ребенок лишь разожмет первый раз в жизни руку – на ней все линии его судьбы. Только надо уметь прочесть.

Кира играла Луизу в студенческом самодеятельном театре. В нем был даже режиссер Туф – старый артист ТЮЗа с трясущимися руками.

«Коварство и любовь», – объявил Борис на сцене клуба в районном городе Харабали, потом помолчал, замешкавшись от волнения, и добавил: – Шиллер!.. В исполнении студенческого драматического театра Астраханского рыбного института! Но когда с улыбкой победителя вернулся за кулисы, режиссер Туф набросился на него чуть ли не с кулаками. Оказывается, Борис только думал, что сказал «Шиллер!» А на самом деле ляпнул – «Шекспир!» Вот осрамился самонадеянный невежда.

Но спектакль прошел хорошо. Приезжих студентов сельчане приняли очень тепло. Кто из них в жизни когда-нибудь был в областном Астраханском драматическом театре? Да почти никто.

А Борис окончательно влюбился в Луизу, которой зрители

предподнесли цветы. И жалел, что ни бог, ни старичок-режиссер не дали ему сыграть влюбленного в нее Фердинанда, которого представлял друг-однокурсник Шура Старожилов. Как он отчаянно стукнулся лбом о кулису и с жаром крикнул на весь зал: «О, женщины, вам имя – вероломство!»

И Борис бы так мог. Один раз сыграл, багровея от смущения, в драмкружке в водевиле. Причем так хорошо сыграл, что девчонки на школьном вечере кричали ему «Бис!» Единственное тогда смутило, что никогда так не хлопали за его пение на школьных вечерах, хотя пел на сцене с детсада. А понравился его лихой перепляс – гусем.

Борис с Кирой уже собрались пожениться. Свадьбу в ресторане матери не могли осилить, решили собрать родных и друзей дома. Но в бюро комсомола института пообещали устроить «комсомольскую свадьбу».

И в эти счастливые дни Борис опять встретил на улице Люсю. Она все знала о Кире, даже больше, как всегда, чем сам Борис. Как и все знакомые и родные, Люся отговаривала Бориса от женитьбы на этой, как она выразилась, «девице вольного поведения». Раз артистка, то обязательно, что ли, вольного поведения? Борису было противно и больно слушать язвительные слова, тем более – от близких.

– У меня от тебя девочка, – огорошила Люся пытавшегося пройти мимо Бориса.

– Не верю, – сказал он, загоревшись огнем от возмущения. – Может, от того, на кого ты меня променяла?

– Я все скрывала, чтобы не отпугнуть тебя окончательно, – смотрела Люся прямо в глаза Борису.

– Но, может, это тебя остановит от неверного шага – женитьбы на Кире?

Борис знал, был уверен, что Люся его шантажирует. Так хотелось верить, что это ложь. «Без меня меня женили!» – как говорила в таких случаях мать Бориса. Он

со злостью буркнул:

– Оставь меня. Все это ложь. Между нами давно все кончено! – и отошел от Люси. Надеюсь, навсегда.

А она перед свадьбой пришла к Кире домой. Соперница! Что делать!?

Глава 9

Друзья по институту этот брак не одобряли. Они больше знали о ней, но сплетничать не решались. Кира тоже сама призналась Борису, что, когда его увидела, он ей не понравился, и она долго не хотела отвечать на его предложение зарегистрироваться. Мать Бориса гнула свою линию, жалко выпускать сына из цепких рук. Но нет упрямей казачка. Он сидел в актовом зале на репетициях пьесы и, как охотник, следил за Кирой на сцене. Ее Луизу в «Коварстве и любви» Борис боготворил. «Лимонад твой пресен, как твоя душа», – как естественно иронично Кира говорила Шуре-Фердинанду. Борис ревновал Киру и к Шуре, и даже к старому режиссеру, актеру Туфу. Старый-старый, а задерживал руки на девичьей спине. Кот плешивый! Только жаль, что Кира немного картавила. «Как можно мечтать о

сцене и говорить «плесен», вместо «пресен»? – точил сознание Бориса червь сомнения. – Так что хорошо, что Кира учится не на артистку, а на ихтиолога».

Сам Борис тоже, как дурак, учится не в литературном институте, а в рыбном. Что, тоже хорошо? Мама так считает. Какой у него-то изъян? Нищета?

Спектакль на выезде в Харабали прошел хорошо. Гордый за успех артистов, Борис окончательно влюбился в Луизу.

И после «встречи соперниц» Люся не давала о себе забывать. Ее шубка маячила на другой стороне улицы, где Борис с Кирой, молодожены, временно жили у тети Оли. На этот год тетя Оля переселилась в дом матери Бориса.

Борис потом сочинил об этих тревогах стихотворение.

СТУК

Кто постучался в окно метелью,
Спугнув с балкона покой ночной?
Ты у постели притихла тенью?
Ждешь покаянья в любви былой?

Как рдели губы над каплей меда
И поцелуем прожгли насквозь?
Как застонал я, подбитый с лета, –
И этой ране был рад до слез?

Ты помнишь, в этот медовый месяц
К нам постучали в оконный крест?
И мы шептали, что это – ветер
Или пришелец-головорез.

Но свод небесный над нами треснул.
Под нами землю прошиб озноб.
Из рук моих ты скатилась в бездну.
И черный пол мне ударил в лоб.

Кто помешал нам ревнивым стуком?
Из прошлых или грядущих лет?
Кто разлучил нас навек друг с другом? –
И в Судный день не найти ответ.

А ночью Люся длинной палкой стучала в зарешеченное окно тети Олиной комнаты, выходящее в глухой двор. Как она не боялась темноты, там прятаться?

Но самое печальное – Люся действительно присутствовала в жизни молодоженов.

Вот почему – из ревностного любопытства – Кира просила Бориса рассказывать эпизоды из его встреч с Люсей. Сама артистка, она оправдывала свои пытки желанием понять, может ли Борис, как писатель, отстраненно рассказать живой эпизод, интересным литературным языком. «Учись писать рассказы, пока устно», – подбадривала мужа Кира. И в часы отдыха, оставаясь наедине с Кирой, Борис пытался вести это нелегкое повествование, лежа на постели и закрыв глаза.

Борис, конечно, понимал, что все равно Кира ревновала его к амурному прошлому. А он, в свою очередь, невольно сравнивал ее с Люсей, не желая этого. Возьмет

нежно в руку грудь Киры, ласкает, а сам невольно вспоминает более упругую грудь Люси.

А у Киры к тому же от рождения одна грудь меньше другой, и она, стесняясь ущерба, носит подкладку. Кто-то говорил, что это часто бывает у женщин. Но все же, все же, все же...

Не известно, к какому заключению Кира пришла по поводу творческих способностей мужа-рассказчика. Но выяснилось потом, что она потихоньку собрала все стихи Бориса, переписала их аккуратно и отослала, ни много ни мало заказным письмом в Москву Симонову. С просьбой подсказать, есть ли надежда у Бориса стать писателем. Конечно, ответ не пришел. Оказалось, Кира спутала поэта Симонова с режиссером театра Симоновым. Об этом письме Борис узнал только после их развода с Кирой, когда она вернула ему все эти аккуратно переписанные ею стихи, в основном посвященные ей. Это был удар в самое сердце.

Глава 10

Кира сомневалась не только в творческой полноценности Бориса, но и в его мужских возможностях. Оба они помнили,

как еще до свадьбы Кира пыталась поцеловать Бориса, а он не умел целоваться и стыдливо выворачивался от ее жарких губ, вместо

того чтобы получать удовольствие от поцелуя с любимой девушкой. Это было во время поездки самодеятельных артистов института в село на речном баркасе. Они заперлись в каюте и боролись с ним на полу нижней палубы. Она распласталась на Борисе и буквально распалила его, прижав своим упругим телом. Она мяла Борису щеки, жадно пытаясь засосать его губы. А он, дурачок, выкручивался. Ему мешала гордость признаться, что он до сих пор не освоил поцелуй любви. Так и не освоил до конца жизни. И дрожал испуганной дрожью. А может, это баркас знобило на волжских ночных волнах. Борису еще Люська с упреком сказала, что он не умеет

целоваться, но так и не захотела научить, как он ни просил ее. А, кроме того, Борис перед поездкой узнал, что Кира, вроде, гуляет с «ударником» студенческого оркестра, и хотел эту сплетню проверить и опровергнуть. А доложил приятель Бориса, сокурсник Ваншенкин, который был распределен как раз тоже в эту каюту на ночь с Борисом. И он долго стучался назойливо в дверь и рвался ночевать, а Борис с Кирой его нахально не пустили.

Больше Кира не пыталась учить Бориса целоваться. И он только подставлял ей губки бантиком – как маменькин сынок. Удивительно еще, что он посмел уехать от мамочки в Сибирь.

Глава 11

На очередном прогоне субботней литературной страницы на Рубцовском телевидении Рушенцова не включили в число выступающих молодых поэтов.

– Почему? – возмутился задиристый Шлепенчук.

– Его стихи не понравились главному, – сказала тихо телеведущая, рассаживая ребят на широкие табуреты вокруг круглого темного стола, на открытой широкой стороне которого стоял микрофон.

Ребята промолчали. Швабрин поправлял галстук, стараясь не встречаться ни с кем взглядами. Другие разворачивали на столе приготовленные листки со стихами.

– Тогда мы откажемся выступать в эту субботу, – неожиданно встал из-за стола Борис. И все с готовностью сказали:

– Да! Да!..

Рушенцов направился с побитым видом из студии.

– Так нельзя! – испугалась ведущая Светлана.

Но все встали и отошли от стола. И Рушенцов обернулся и остановился.

– Ребята да вы что?.. Главный редактор так решил!

– Давайте, пойдём к главному, – предложил Борис. – Пусть скажет, что ему не понравилось в стихах, – подошел он к Рушенцову и выхватил у него из рук листки с его стихами.

Юрий Швабрин, Юрий Рушенцов и Борис крепили дух триумфатора спиртом и стихами после работы до полуночи. Шабрили каждую строчку и знали стихи друг друга наизусть.

Втроем они пошли за телеведущей в кабинет главного редактора. Начальник был занят, у него был в кабинете режиссер. Но ребят приняли. Понравился их воинственный вид и уважение друг к

другу. Главный упрекнул Рушенцова в отсутствии гражданственности в стихах:

– Ты можешь писать с таким напором, как Римма Казакова? – спросил он и процитировал: «Мы молоды, у нас чулки со штопка-ми...»

– Ну, нет у него чулок со штопками? И что теперь? – пробовал пошутить Швабрин.

– А вы не из Астрахани? Как ваша фамилия? – вдруг спросил Бориса режиссер.

– Да, из Астрахани, – ответил удивленный Борис. – Борис Карин.

– А я Сергей Севрюков, – про-

тянул ему руку режиссер. – Я смотрю-смотрю, вроде знакомое лицо. Я в Астрахани на телестудии вас видел. Земляк, значит.

– Да я выступал в Астрахани на телевидении, сделал несколько телесюжетов, – радостно разговаривался Борис.

– Значит, будете делать и у нас.

– Всё. Выступайте все, – встал главный редактор. – Только в следующую раз побольше гражданственных стихов. Договорились? – пожал он руку каждому, провожая ребят из кабинета.

Так у Бориса оказался «блат» на рубцовском телевидении.

Глава 12

Борис постоянно звонил в Рубцовскую клиническую больницу, узнавал о состоянии Киры, которая на днях должна была родить. А после работы бежал навесить будущую молодую мать. Он боялся за ее здоровье. Он чувствовал ответственность за нее в чужом городе, вдали от родителей. И вообще боялся боли и страшных криков рожаящих женщин.

И вот на очередной его звонок из бухгалтерии завода в родильном отделении сообщили, что к вечеру у Кариной начались схватки. Как сумасшедший Борис выскочил из бухгалтерии, даже телефонную трубку на аппарат забыл положить. Но девчата в бухгалтерии поправили за ним телефон и не ругались, понимали самочувствие молодого отца.

Всю ночь Борис бегал под высоким забором вокруг больницы. Даже почему-то со слезами на глазах. В темноте пытался залазить на высокие деревья в надежде перемахнуть через забор во двор больницы. Он слышал

страшные крики женщин и закатыстый плач новорожденных. Или ему это казалось? Но был уверен, что слышал и Киру, и своего ребенка. Который раз ломился в запертые двери – «в отцы вступающий мужик». Эту строчку он успел сочинить, когда в очередной раз дежурный не пустил его в приемный покой:

– Приходите завтра к девяти утра. Ночью вас в палату никто не пустит, – твердил одно и то же охранник, закрывая перед ним массивные двери.

И только на другую ночь у приемного покоя медсестра выглянула из-под руки закрывающего дверь охранника и крикнула:

– Кто Карин?.. У вас дочь. Приходите завтра утром.

Борис привез Киру с дочкой на легковой машине, договорившись с остановленной на улице Вокзальной машиной.

– Немного подождете у роддома? – попросил он пожилого водителя старой «Победы». – А потом

мы с женой и дочкой приедем домой, сюда, на Вокзальную улицу.

Водитель кивнул, не спросив даже о цене.

Борис держал теплый конверт с дочкой, а Кира, счастливая, шла с букетом роз, который подарил Борис.

До сердца жгло тепло комочка с закрытыми глазами и крохотным курносым носом. Как будем звать дочку? Танечка, Танюшка

Их произведение в машине проснулось.

«У-а! У-ра!» – кричала дочка. Борис со страхом передал ребенка матери. Она, не стесняясь, дала ему грудь из-под распахнутого те-

плого пальто. Все-таки на улице шел легкий снег, который Борис вначале даже и не заметил.

– Ты счастлив? – спросила Кира, поцеловав Бориса в щеку.

– Это – чудо! – поцеловал Борис жену.

Кира светилась нежностью, еще бледная после родов.

Она источала какой-то внутренний свет. Она кормила маленькое создание грудью, а крылья носа её были тонкими и прозрачными, и свет её сияющего лица освещал лицо младенца. А может, вечно хмурое небо над Рубцовском прорвал, наконец, яркий солнечный луч.

Глава 13

Теперь Борису нужно было зарабатывать на третьего члена семьи – дочку Танечку. Гонорары за стихи были редки, три рубля раз в месяц. И Борис решил обратиться к земляку Севрюкову в редакцию телевидения с предложением написать киноочерк.

– А потянешь? – спросил Севрюков.

– Обязан, – бодро сказал Борис, а сам дрейфил.

И Бориса послали от редакции телевидения в командировку на железную дорогу, написать очерк о передовиках-железнодорожниках. С вечера пятницы до утра понедельника Борису предстояло проехать в составе бригад машинистов по направлениям: Рубцовск–Семипалатинск–Бийск–Рубцовск.

Кира его поддержала, отпустила. Только попросила из молочной кухни дополнительный творожок и молоко для грудничка. Но еда из молочной кухни была пригодна только на один день. Да и холодильника у них не было.

Вместо него под подоконником была в толстой внешней стене дома выдолблена самодельная ниша с полками, которая, как ларь, закрывалась дверками на пружинных петлях.

Тогда Борис принес Кире «хитрые» бутерброды со сливочным маслом, шабашку с завода. Если останвят, можно сказать, что брал бутерброды из дома на обед, но съесть не успел.

В пятницу, отпросившись пораньше с работы, Борис, при содействии диспетчера и парторга железнодорожного узла Рубцовска, был посажен в кабину тепловоза. Передовая бригада пожилого машиниста и молодого помощника машиниста отправлялась в Семипалатинск. Бориса передали железнодорожникам и шепнули, в случае внеплановых проверок лучше ему представляться вторым помощником машиниста. Пожилой передовик сделал краткий инструктаж, ничего не трогать, а главное – не спать.

Не с ветерком раскатывал корреспондент по алтайским краям. Нужно все запомнить, все ответы машинистов записать и понять, как и что заснять для телеочерка.

От машинистов он узнал главную фразу и так решил назвать очерк: «Зеленый на выход». Он познал, из чего складывается безопасность на железных дорогах. Оказывается, машинисты не прохлаждаются, как он думал, высываясь из летящего вагона, а следят, не дымят ли колесные буксы состава, не нарушено ли сцепление вагонов, не вышел ли груз из габарита. И не только в своем составе, но и у встречного поезда, чтобы срочно предупредить коллег и предотвратить аварию.

Вдруг от сильного удара по щеки Борис чуть не упал с табурета.

– Спать нельзя! – упрекнул Бориса опытный машинист. – Погибнешь, и всех пассажиров погубишь.

– Как же я не заметил, что заснул? – удивился Борис, потирая горящую от удара щеку.

Но с той минуты весь путь был для него готов для аварий.

В Семипалатинске бригаду отравили в комнату отдыха. С машинистами Борис принял горячий душ и с удовольствием пообедал в столовой железнодорожников. Больше всего его поразил белый пушистый хлеб. Надавишь, он сожмется в лист, отпустишь – выпрямится в легкий прямоугольник. А какой вкус! Немного лучше, чем рубцовские кизяки. Но никто не сказал Борису, что такая обильная и вкусная еда в Семипалатинске из-за того, что рядом испытывают атомное оружие. Это он узнал потом. А сейчас помощник машиниста шепнул ему:

– Ничего здесь домой не покупай! Ходят здесь по вагонам и шмонают пассажиров-спекулянтов, все семипалатинские продукты отнимают.

А после обеда пошли спать, как в доме отдыха.

– А сколько часов спать? – спросил Борис у пожилого машиниста.

– Могут и через час поднять, могут – и завтра.

– Мне нельзя завтра, – испугался Борис. – Мне же в Бийск надо.

– Спи, я договорился со знакомой бригадой на Бийск, – успокоил старик. – Они за тобой придут. Мы тебя передаем, как эстафету. Пока! – И тут же заснул.

«Эстафета добра, – подумал Борис, засыпая. – Я сделал тебе добро, а ты сделаешь добро другому, а другой – третьему...– Так надо назвать очерк».

Его разбудили, посадили в другой локомотив. И Борис поехал в Бийск.

А из Бийска – даже поесть некогда было – сразу передали в добрые руки третьей передовой бригады. Зашли с новой командой доложить в диспетчерскую узла. Пожилая женщина перед расстеленной на столе железнодорожной картой как заведенная принимала сообщения и отдавала команды по своим средствам связи. Как непрерывный крик испугнутой птицы. Сумасшедший дом! Иногда Борис слышал: «Зеленый на выход!»

Наконец погрузились в локомотив поезда в Рубцовск. Получили добро: «Зеленый на выход!» Борис понял, что утром успеет на работу на гормолзавод, и успокоился. Но ужасно хотелось спать! Нет! Оплеуха еще горела на щеке. Стал набрасывать очерк. И хорошо, что начал. Что недопонял из

прежних объяснений, сверял у нового машиниста.

Отвлекала от сна и виртуозная работа по регулированию скорости локомотива.

– Как вы узнаёте, когда можно выключить двигатель, когда прибавить скорость? – удивлялся Борис.

– По рельсам читаем, – улыбнулся помощник машиниста, чуть постарше Бориса. – Их цвет меняется, когда идет спуск и когда идет подъем. А потом мы уже весь свой путь до последнего бугорка и поворота знаем наизусть.

– А это позволяет экономить топливо и срок работы локомотива до очередного ремонта.

Борис принес очерк на студию.

– Что-то много написал, – стал листать страницы Севрюков.

– Ведь интересно! – пробовал

оправдаться Борис, знавший свой недостаток многословия.

– Тебе лично внове, конечно, интересно, – серьезно сказал Сергей Иванович. – А машинист, который будет смотреть телеочерк, – все это давно знает. – Перепиши с главной идеей, как этим передовикам удастся в одинаковых для всех условиях работы экономить топливо. И потом, обрати внимание, что ты пишешь для экрана. «Он отвернулся и увидел...» Что он мог увидеть, если он отвернулся?

Борис получил первый урок. Переписал очерк. Согласился с поправками главрежа. И с Кирой и Таней смотрел свой телеочерк «Зеленый на выход!» по Рубцовскому телевидению. И получил гонорар – пятьдесят рублей – ровно половину своей зарплаты. Хорошо!

Глава 14

Борис и не догадывался, что переживал в начале самостоятельной жизни закономерный стресс взросления. Кончилось обучение в институте под заботливым крылом матери. Началась работа на предприятии, когда подтвердились насмешливые слова лучшего преподавателя: «Когда придете на производство, нужно будет всё забыть, чему мы вас учили, потому что на производстве всё по-другому». Вот и хватай знания налету, осваивай профессию заново, когда с тебя требуют, когда тебя ругают и стыдят. А Борис выбрал самостоятельную жизнь еще в чужом городе. Как жить, как вести свое домашнее хозяйство? Как притираться к любимой жене, у которой оказался совсем другой характер. И наконец как быть отцом, когда вырос без отцовского

примера в бабьем царстве и отца видел один раз в жизни? Кончилось детство, начиналась взрослая жизнь, осваивались новые отношения. Множились обязанности, навалилась ответственность и за завод, и за жену, и за ребенка. И психика, да и весь организм Бориса перестраивались с трудом. Нервы порой не выдерживали, и Борис срывался на скандалы с Кирой. А она так же перестраивалась, как и он, да еще больше, потому что из дочери становилась матерью.

Борис с замиранием сердца чувствовал рождение в себе отцовской любви к дочери. Сильнее этой любви он ничего раньше, да и позже не знал! Прижимал к себе осторожно теплый комочек ребенка, на руках укачивая после работы, вечером и распевая свою песню:

Танюшка, Танюшка,
Медовое ушко,
Закрyla глазенки
И спит.
Танюшка, Танюшка,
Уткнулась в подушку
И носом курносым
Сопит.

Но Танюшка не спала, несмотря на заклинания и укачивания. Ее опять разбудили клопы.

Сколько разных хитростей предпринял Борис, чтобы избавиться от этих неистребимых клопов. Но все напрасно. Потому что клопы были хозяевами-оккупантами во всём доме, во всём Рубцовске, на всём Алтае. Надо же, какие неистребимые животные, кажется, они были ещё до Ледникового периода.

– Ты – инженер, значит, умный, – дразнила Бориса жена. – Придумай чего-нибудь, чтобы хоть ребенка клопы не кусали.

Борис поставил детскую кроватку, ошпаренную предварительно кипятком, посредине комнаты. На ошпаренном полу он обсыпал

кроватку ядовитым порошком против клопов, который ему принесли компрессорщики. Но клопы прямо на глазах ползли по потолку к запретному месту и, как десантники, срывались с потолка прямо на кроватку ребенка. Что, у клопов мозги есть, что ли? И приходилось их ловить на одеяле Танечки. И горячим утюгом часто проглаживали ее белье. Все-таки Борису удалось, поднявшись на стремянке, этим порошком, смешанным с сырым яйцом, прочертить на потолке заколдованный круг над кроваткой дочери и избавиться ее от проклятых клопов-десантников.

И сами с женой спасались от кусачих кровопийцев подобными же ухищрениями.

Глава 15

Механика Сергея Альфредовича Голышева за его квадратную фигуру «полтора на полтора» Борис называл про себя просто – Шкаф. Но уважал его. Толковый мужик, все понимал, но по-своему, потому что образования не имел. Может быть, из-за того, что именно Альфредович, и в Сибири поэтому укоренился после ссылки сюда родителей. Но об этом Борис рассуждал позже, уже в Москве. А на Алтае неопытный инженер ловил каждое слово смекалистого механика.

Вот и в этот раз понял его сразу, когда механик пришел к нему

чуть свет, отозвал на кухню и общил:

– Константиныч, сегодня утром, знаешь, опрессовку холодильных трубопроводов заканчивают?

– Знаю, – кивнул сонный Борис.

– Я ночью решил проследить за бригадой монтажников – и хорошо сделал, – шептал механик.

– И что? – тихо спросил Борис.

– А то! – оглянулся на писк Танечки из комнаты механика. – Бригадир самовольно включал воздушный компрессор и поднял упавшее давление до нормы.

– Значит, наш шарик сдулся? – понял оживленный Борис. – Где-то в системе дыры, и трубы сифонят.

– А как монтажников поймать теперь при комиссии? – возмущался механик. – Как доказать, что трубы давление не держат?

Борис вспомнил прошлую вечеринку с бригадой монтажников. Бригадир Борис Марадашов тогда похлопал его по плечу тяжелой рукой и сказал хмельным басом:

– Спорим, тэзка, что я компрессорную сдам в срок и с первого захода.

– Фирма веников не вяжет, – поднес Борису стакан водки прораб. – Пей, не промахнись. За наш общий успех.

Выпили, но не спорили. Ребята хорошие. Что бы Борис ни попросил – всегда – пожалуйста, исполнили точно.

И все же инженер отказался спорить. Видел розыгрыш, но смолчал. Это было главной его защитой всю жизнь: видеть, но молчать. Как-то, проходя мимо монтажников, он услышал: «Инженер неважный» – и стал за работой монтажников приглядывать, надеясь чем-нибудь отплатить за такой «комплимент». И механика тоже попросил внимательней приглядывать за работой монтажников.

Бог шельму метит. Борис однажды поутру, проходя дозором по машинному залу новостроящегося гормолзавода, увидел, как Борис Мардашев с ребятами, присоединяя ресивер к системе трубопроводов, заложил толстую резиновую заглушку между фланцами соединения вентиля к аппарату.

Борис не подал вида, что заметил, выходя из цеха, но был ошарашен такой наглостью монтажников. Что это – вредительство? Газовая смесь из ресивера не сможет

пойти в трубопровод из-за заглушки. Они что, не понимают? Или он, «неважный инженер», что-то не знает? И Борис решил пока промолчать.

Теперь после доклада механика Борису стало ясно, для чего монтажники поставили заглушки. Чтобы легче, на дурачка, сдать опрессовку. Ведь при повышении давления в системе ресивер отключен из-за заглушки, и давление держится только в отдельной части трубопроводов. И то пришлось к утру подкачивать компрессором выпущенный газ – воровским способом.

Днем механик сказал комиссии, показывая на приборы, что воздушный компрессор ночью включали. Монтажники извинились и обещали быстро найти, где фланцевые соединения немного пропускают воздух. И поспешили до второй опрессовки сразу изолировать трубопроводы.

Но бдительный Сергей Альфредович опять застал бригадира у включенного на заре воздушного компрессора.

Возмущенный Марадашев разорался, что он прибежал выключить компрессор, который кто-то включил, чтобы свалить на монтажников. А их опять лишают заработка, им не закрывают наряды за выполненную давно опрессовку. Комиссия уже хотела даже свалить это дело на механика.

Но вмешался инженер Карин. Его час настал. Он попросил бригадира отсоединить ресивер от трубопровода.

– Ты что, взбесился? Псих! Не видишь, что трубы уже заизолированы? – заорал бригадир на инженера.

– Прошу отсоединить фланцы, между ними поставлена заглушка, – сказал Борис, мандражируя, что заглушку могли убрать.

Почти все стали возмущенно уговаривать Бориса Константиновича не делать опрометчивого поступка. Но механик заступился за инженера, хотя сам удивился его настойчивости. Монтажники со злобой разбили засохшую смесь изоляции, раскрутили гайки на фланцах и... вытащили между ними толстую резиновую заглушку. Все даже ахнули.

И так месяц, с бесконечными

проверками и придирками инженера и механика, бригада монтажников проверила все соединения, переделывала развязку, пока опрессовка не показала, что высокое давление в системе трубопроводов не падает.

Бориса Карина стали почти-точно вызывать на рабочие планерки к директору нового завода Масыкиной.

Глава 16

Борис решил навести порядок и в компрессорной старого гормолзавода. Импортные компрессоры были капризными, с точки зрения старых машинистов, потому что имели много датчиков. Чуть изменялся режим – какой-нибудь чехословацкий компрессор датчиком останавливался. И приходилось его запускать заново. Но чаще автоматика вовремя не останавливала другой импортный компрессор при нарушении холодильного режима, и он мог нахлебаться столько аммиака, что возни с ним не оберешься. Почему, спросил Борис и у опытного долговязого компрессорщика. Тот замялся, но, из уважения к инженеру, шепнул:

– Две спички.

– Что это такое? – не понял инженер.

Но ветеран молча отошел к «захлебнувшей» жидкий аммиак венгерской машине, пытаясь ее запустить.

– Между контактами в датчиках импортного компрессора они вставляют две спички, и датчик не реагирует на нарушения режима, все же признался долговязый машинист.

Сами компрессорщики так относились к импортным машинам,

вот они и выходили часто из строя. Как Дон-Кихот с ветряными мельницами, они боролись с «умными» компрессорами..

С механиком Гольшевым Борис пошел на склад провести инвентаризацию запасных частей и аппаратов холодильного хозяйства завода. И был потрясен кучей целых, но неиспользуемых аппаратов на складе. Зато запасных частей к компрессорным машинам вообще не было. А случилось это потому, что по договору с зарубежными поставщиками вообще было не предусмотрено получение запасных частей компрессоров. Зато, чтобы получить новый компрессор, по договору поставляли его в комплекте со всеми аппаратами холодильной установки. Кошмар! Вышел из строя клапан цилиндра немецкого компрессора – заказывай новый импортный компрессор со всеми аппаратами. И решалось это не в Рубцовске, даже не в Барнауле, а в Москве.

И Борис с инженером Евгением Боговым решили постепенно заменять чешские, немецкие, венгерские компрессоры (благо запасные аппараты холодильной системы к каждому компрессору на

складе были законсервированы) на российские машины московского завода «Компрессор». Два таких компрессора успешно безотказно работали в цехе старого гормолзавода. Карин и Богов были командированы на мясокомбинат, на другие заводы города, где работали отечественные машины завода «Компрессор», и договаривались об обмене их отечественных машин на импортные комплекты.

Однако пока этот вопрос решался руководством комбинатов, у Бориса в компрессорном цехе случилась авария.

Ни свет, ни заря в квартиру тревожно стали стучать. Борис осторожно встал с кровати, чтобы не поднимать жену, и вышел в прихожую.

Механик с выпученными глазами вбежал в открытую дверь.

– Тихо! – шепотом остановил его инженер.

– Скорей! В компрессорной беда! – выпалил Сергей Альфредович. – Компрессор захлебнулся и взорвался. Аммиаком с водой обрызгало лицо машинисту Ястребцову. Осколок по голове саданул до крови. А он пьяный...

– Ему конец! – отчаянно шепнул Борис и кинулся в комнату одеваться.

Всю дорогу до комбината бежали. Транспорт еще не ходил.

– Скорую помощь вызвали? – запыхался Борис.

– Уже отвезли, когда прибежали за мной. Сменщика тоже с постели подняли на дежурство, – тяжело дышал квадратный механик. – Глаза погубил парень.

– Сколько я с этим пьяницей бился! – скрежетал зубами Борис.

– А где нет таких ястребцов-пивцов? – пытался как-то поддер-

жать инженера Сергей Альфредович. – Теперь – калека на всю жизнь! И нам не отбрехаться – попадет по первое число.

– А какой компрессор? – спохватился спросить Борис.

– Да твой любимый, отечественный, – виновато заглядывал механик снизу в лицо инженеру. – Без автоматики. Вот он без надзору может хлебать без остановки, пока не взорвется.

– Теперь и замену компрессоров могут отменить... – выругался Борис.

В компрессорной двери были распахнуты настежь, но запах аммиака стоял стеной. Борис влетел, увидел разбитую крышку машины, осколки цилиндра и разбросанные кольца на полу, но компрессорная привычно шумела. Остальные машины работали. Борис держался за нос, спасаясь от резкого до слез аммиачного запаха. Но вдруг схватился за ширинку, и пулей выскочил из цеха. Аммиак огненным жаром вцепился через брюки в пах до жуткой ломоты.

Механик был уже рядом на снегу:

– Аммиак – он такой скипидар...

В больнице Борису сказали, что глаза машинисту спасут – хорошо, что при аварии аммиак разбавился водой, от концентрированного жидкого аммиака парень бы ослеп. Инженер навещал его в больнице почти каждый день, с молоком за вредность. А надо бы с кулаком – за пьянство.

Зрение Ястребцову врачи восстановили за месяц, с работы его не выгнали, только лишили премии и объявили ему и инженеру Карину по строгому выговору, за халатность.

Нашли заводскую трещину в поршне цилиндра – так что «отмазались» от аварии.

Но обмен компрессорами с другими заводами на время приостановили.

Глава 17

Каждую субботу по рубцовскому телевизору шла передача «Лирический турнир». Выступал в ней со своими стихами и Борис Карин. Но большей популярностью пользовался экстравагантный Виктор Шлепенчук, слесарь-сборщик Алтайского тракторного завода. Он и лирический турнир называл издевательски: «Ча-ча-ча». И все придумывал какие-то фантастические сюжеты и увлекался Хлебниковым, хотя этот поэт был в официальной немилости. Шлепенчук подавал большие надежды. В четырнадцать лет опубликовал первое стихотворение в районной газете «Черниговский колхозник». Работал геологоразведчиком, слесарем-сборщиком

Алтайского тракторного завода и заканчивал уже Омский сельскохозяйственный институт. Но был такой хулиганистый, даже жену бил. И Борис думал, что он может плохо кончить.

К Борису главный редактор относился доброжелательно. Каждый раз Борис из двух намеченных для выступления стихотворений одно готовил патриотического плана. Такой стих Шлепенчук ехидно называл «паровозом». Потому что любую подборку стихов вывезет. Например, Борис читал на репетиции перед Лирическим турниром стихотворение о матери «Неугомонная», Шлепенчук сиял от удовольствия, слушая начальные строфы Бориса:

Когда под вечер радиола
Призывной песней зазвучит:
«Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи...», –

Вдруг встрепенется моя мама
И вместе с хором запоет.
Звучит не просто фонограмма,
А время юности ее...

И успокоился только на втором – лирическом стихотворении Бориса:

Из-за стога светится
Солнце полусонное,
Вышло лишь отметить,
Греть уж не способное.

Хороши края мои
Просветленной осенью –
Пашнями багряными,
Небесами с проседью...

Бориса утешало в этом споре со Шлепенчуком то, что тот не читал никогда стихов Рембо и Бодлера, которые он даже переводил еще в Астрахани со своим другом Маевым по подстрочникам, сделанным с французского языка на русский. Но об этом Борис никому в Рубцовске не говорил, даже другу Швабрину.

Про себя Борис все же переживал, что стихи у него пока слабые. А тут еще как-то главный редактор ему одному по-дружески сказал:

– Борис, пиши прозу. Она у тебя намного лучше стихов. Ты же, по всем признакам, прозаик.

После таких слов Борис целую неделю ходил опущенный и злой на себя и на весь мир, несколько раз ссорился с Кирой. Успокаивала Бориса только дочка Танечка, которая ему улыбалась и хватала его цепко за нос, как будто хотела сказать: «Папочка, не вешай нос. Ты по всем признакам – поэт».

И вдруг на родной улице Вокзальной, когда Борис шел с работы, какая-то пожилая женщина остановила его, поздоровалась и сказала, что слушает по телевизору и читает его стихи в газете. Они ей очень нравятся. Особенно – про маму стихотворение «Неугомонная»:

– Сколько же в вас тепла и до-

броты! – сказала она. – Дай бог вам успехов и здоровья, – дотронулась она теплой рукой до ладони Бориса и пожала ему руку.

Как же Борис был счастлив!

И отношение к творчеству у него изменилось. Особенно он заметил это, когда редакцией городской газеты он был приглашен с друзьями выступить в драмтеатре. Театр разместился в здании клуба железнодорожников «Красный Октябрь». Народу тьма. Вспомнился Борису наказ из детства – смотреть на светящуюся рампу, чтобы не видеть зрителей. Борису дали слово. Он вышел на большую сцену. И мелькнула мысль: «Чем утешить людей? Нечем! Что важного он скажет всем?»

Его допустили что-то сказать людям. Как спросили приговоренного к сожжению за колдовство портного и дали ему сказать последнее слово. И он крикнул: «Люди, когда будете шить одежду, делайте на конце нитки в иголке маленький узелок». Вот это сказал – на века!

И Борис просто начал читать свое стихотворение, напечатанное в коллективном сборнике астраханским поэтом Борисом Шаховским.

Нам двадцать лет, наш век – двадцатый.
У нас особые черты.
Мы, мирных подвигов солдаты,
Идем на штурм любых твердынь.

Усталость – юности не пара.
Труда и разума сыны,
Мы строим первые кварталы
Коммунистической страны...

Конечно, это стихотворение – «паровоз». И куда же он вывезет этот воз? – мелькнуло в сознании Бориса, пока раздавались жидкие аплодисменты.

Он еще и представить не мог, что потом за эти стихи, напечатанные как песня с нотами в журнале «Комсомольская жизнь», первый секретарь ЦК ВЛКСМ будет

ругать на Пленуме комсомола его, автора, и главного редактора этого журнала как пример мещанства и безвкусицы.

А тогда Борис, загоревшись от стыда, решил прочитать свои недавние стихи, которые и про жизнь этих людей Алтая:

Я юность начал на Востоке.
Я строил жизнь на целине.
С тех пор любые новостройки
Напоминают юность мне.

Алтай нежданно первым снегом
Засыпал заживо цветы,
И ветер оборвал с разбега
Мои зеленые листья.

Зрители оживленно заплодировали. Борис поклонился и ушел со сцены, увидев улыбки на лицах первого ряда. Он впервые почув-

ствовал значимость творчества, испытал чувство хозяина окружающей жизни.

Глава 18

Пока еще в голову Бориса не пришла мысль – что в Рубцовске он может быть только «первым парнем на деревне».

Но слава умеет искушать. Подборку его стихов решил опубликовать альманах «Алтай». Просили представить ноты его песни, которую собирались опубликовать на обложке этого альманаха. И ждали его фото. Борис долго смотрел в небольшое зеркало, которое стояло на столе рядом с фото в деревянной рамке, на котором были сфотографированы Кира с матерью, обе очень красивые. Борис прикидывал, в каком виде пойдет в фотоателье, чтобы достойно предстать в литературном альманахе Алтайского края. И его осенило отрезать свой большой кок стилижкой шевелюры, который крутящейся щеткой прижал ему надолго к голове старый Исайчик в модной астраханской парикмахерской. Потом Борис подровнял ножницами причесанный вперед куцый чуб,

который теперь немного прикрывал горизонтальную морщину на лбу. На нее все время с детства показывала, заставляя распрямлять лоб, любимая учительница, которая всегда сидела на первом ряду в актовом зале школы, когда Борис исполнял со сцены басню Сергея Михалкова или пел песню: «Между небом и землей песня раздаётся»...

Кира, увидев его новую прическу, отчаянно всплеснула руками:

– Я такого молодого человека не знаю. Вы кто? Как сюда попали?

– «Я – эмигрант из лазурной страны», – сказал сияющий Борис строчку из нового своего стихотворения.

Жена отняла у него ножницы, усадила на стул, накрыла его плечи вафельным полотенцем и немного подправила испорченную прическу Бориса, «спасла человека».

Директор нового гормолкомбината Масыкина даже сразу не узнала Бориса.

– Зайдите позже, – буркнула она, мельком взглянув на посетителя.

Потом узнала и удивилась новой прическе. Но ей пришлось удивиться еще больше, когда она прочитала протянутое ей приглашение «поэта Бориса Карина на совещание молодых писателей Алтайского края в город Барнаул» на три дня.

– Вы что, молодой писатель? – пожалала она язвительно плечами. – Не читала... А кто работать в компрессорной за вас будет целых три дня?

– Сталина Ивановна, инженер Евгений Богов согласился поработать за меня три вечерние смены, – взмолился Борис. – А командировку и проезд мне оплатят, в приглашении написано.

Приходят реки,
Чтобы стать морями.
Приходят горы,
Чтобы стать песками.
Приходят годы,
Чтобы стать веками.
Приходит все...
И мы приходим с вами.

Борис запомнил на всю жизнь, что главным редактором краевого телевидения был Немирович-Данченко. Уже тогда он догадался, почему сюда попал потомок такой известной миру фамилии. Репрессирован.

А на совещании молодых писателей вдруг кто-то с места сказал:

Встречайте меня, сосны!
Тайга, назначай свиданье!
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью.

Как жалко было Борису, что жена не могла поехать с ним в Барнаул. Кто останется с Танечкой? Ведь Кира тоже любила и умела

На совещании Бориса встретили приветливо. Главный редактор альманаха лично беседовал с ним в своем кабинете. Нашел быстро музыканта, познакомил с Борисом, и тот взялся записать ноты песни, которую сочинил Борис. Так и было написано на обложке альманаха «Алтай»: «Встречайте меня, сосны», слова и музыка Бориса Карина. А Карин проучился в музыкальной школе по классу баяна всего два года, поэтому был благодарен помощи музыканта.

Пригласили Бориса среди многих молодых участников совещания выступить по телевидению Барнаула.

Понравилось редактору его стихотворение:

– Пусть Карин споет эту песню.

Борис растерялся, ведь ни на одном инструменте он играть не умел. Но добрый человек помог, вышел с гитарой перед собранием к Борису, уловил быстро мелодию, и они запели песню. А весь актовый зал воодушевленно подпевал припев:

выступать, мечтала стать артисткой. И разделила бы с Борисом его успех.

«Браво!» – кричал зал.

Поздние муки совести напомнили Борису, что, попросив Женю Богова отработать за него три смены, Борис не подумал, каково остаться без помощника на эти дни Кире с грудным ребенком. Опять ему надо уехать, как для телеочерка. Теперь потому, что оценили его стихи. А Кира все заботы взвалила на себя. Она гладила ему чистую рубашку, собирая в Барнауле, а слезы снова невольно капали из глаз под утюг. На семью он – ноль внимания. А ребенка нянчить – не пустяк. Обида копилась вместе с дикой усталостью. Были бы деньги, она, ни слова не говоря, за эти три дня отсутствия дома Бориса собралась бы и уехала с ребенком к маме в Астрахань. Мать против ее бегства, но, когда прижмет к сердцу теплую родную внучку, сразу растает.

А в Барнауле, после совещания Борис с Швабриным, которого тоже пригласили на совещание как давнишнего литератора, пошли в ресторан. Поднимая тосты, поздравили всех присутствующих за столом поэтов, переписали адреса и телефоны, разговорились о любимых поэтах. Старший наставник группы барнаульцев Владимир Смирнов напомнил, что, кроме нынешнего Евтушенко, есть и поэты-классики, например,

Тютчев:

– «Чуть чего – мы за Тютчева!» – сказал он литературный калямбури.

Все рассмеялись, раскричались под хмельком, расхвастались. А потом Борис увидел, как Швабрин с кем-то из молодых поэтов подрался, выпучив глаза и расставив длинные свои грабли. И это не в первый раз. Борис плюнул на все эти литературные свары и ушел один на вокзал, чтобы успеть на вечерний пригородный поезд до Рубцовска.

Несмотря на хмель, под мерный стук колес пригородного поезда совесть все же точила Бориса. Конечно, не любил он драться, да и не умел. А вступишь за Швабрина – получил бы по морде и приехал бы с синяком домой, в лучшем случае, а мог и в милицию пьяный загреметь. Швабрин сильный и не дурак, сам разберется. Он не раз заступался за Бориса, а не наоборот. Все-таки Швабрин позавидовал успеху Бориса на совещании. А зависть – сильный враг для дружеских уз. И дальнейшее общение друзей подтвердило, что между ними пробежала черная кошка. Швабрин в шутку, но упрекнул Карина, что тот бросил его одного на поле боя.

Вследующий раз Борис после ужина, растянувшись на кровати, по просьбе Киры сочинял устный рассказ о том, как

он приехал после совещания молодых писателей домой, нарисовал картину для немого кино.

Тускнеют от заходящего солнца окна крупнопанельных домов рабочего микрорайона. Люди возвращаются с работы. В подъезды своих домов спешат женщины с переполненными продуктами авоськами. Из детского сада мамы и папы выводят своих малышей, которые, соскучившись за день, льнут к родителям.

Из дверей детского сада быстро выходит кудрявый парень. Все с детьми, а он – один. Поравнявшись с одной из мам, он раскланивается и по-доброму улыбается ее маленькой дочке. Та смущенно тычется в подол матери.

Парень спешит к девятиэтажному дому напротив детского сада. Одна рука у парня в кармане плаща, такое впечатление, что он ею придерживает живот. Лицо его чем-то озадачено, скулы выступают, курносый нос заострился, глаза смотрят с каким-то печальным тихим укором. Вдруг он морщится и падает прямо у подъезда. Под ногой оказалась раздавленная арбузная корка. Парень быстро вскакивает – и из-под плаща у него падает на асфальт грелка. Он быстро ее хватает, сует, озираясь, под плащ и торопливо скрывается в подъезде. Женщина, с которой он только что поздоровался, укоризненно качает ему вслед головой. Заглянув ей в лицо, девочка подражает матери – и тоже с серьезным выражением лица качает головой.

Еще несколько ступенек – и парень забирается на последний этаж. Дышит тяжело – а такой молодой.

Несколько раз нажимает на кнопку звонка. Ждет. Звонит еще – трогает свободной рукой (другая

рука держит грелку под плащом) головки гвоздей аккуратно обшитой дерматином двери, цепляется пальцем за привернутый в середине двери на уровне пояса крючок. Заглядывает в глазок, вмонтированный в двери. Ждет. Но никто не открывает дверь.

Парень хмурится – и на его лбу выступают крупные морщины. Наконец он достает из кармана свой ключ и открывает дверь. Войдя в комнату, парень сердито хлопает за собой дверь так, что на его рукав падает с потолка кусочек штукатурки. Он стряхивает мел на коврик у двери и, не раздеваясь, идет сразу на кухню. Потом спохватывается, что на чистом линолеуме пола остаются следы от грязных ботинок, пятится к входной двери, снимает ботинки и в одних носках с дырами на пятках спешит на кухню.

С полки самодельной кухонной колонки он берет трехлитровую стеклянную банку, ставит на стол. Затем достает из-под плаща грелку, отворачивает резиновую пробку и выливает из грелки молоко в банку. Оно жирное, пенится. Парень пробует его прямо из банки. Зажмуривается от удовольствия. Вкусное.

Тыльной стороной ладони парень вытирает губы. Ставит банку с молоком на стол и начинает выгружать карманы. Из плаща достает несколько стаканчиков мороженого и ставит их на стол. Из боковых карманов пиджака вынимает несколько яиц. Из кармана брюк вытаскивает и разворачивает сыр, из другого кармана – изюм. Раз – и весь рассыпал на пол. Присел на корточки, подобрал каждую изюминку, как голубь сизокрылый.

После этого парень возвращается в переднюю комнату – коридор, снимает плащ. И только собрался вешать его... застывает – вешалка пустая. Что такое? Недоуменно пожав плечами, вешает плащ на крючок.

Входит рядом в ванную комнату – совмещенный санузел. Открывает кран – нет воды, открывает другой кран – тоже нет, наковырял из него пальцем две капли воды. Открывает крышку бочка унитаза – там есть вода. Что поделаешь? Черпает из бочка одной рукой воду, в другой – держит мыло. Моет руки над унитазом. Фу, как набрызгал – намочил носки. Снимает с крючка полотенце и выходит, вытирая руки, в прихожую.

Руки ощупывают металлические крючки на пустой вешалке, под крючками обои испачканы от одежды больше, чем на всей стене. На вешалке одиноко висит только один его плащ.

С полотенцем в руках парень открывает дверь, входит в комнату... и останавливается как вкопанный. Бросается в глаза пустая детская кровать, без матраца, только прикрыта газетой сетка кровати. Парень выпускает из рук полотенце, не замечая этого, наступает на него, бросается к шкафу, распакивает его дверцы – внутри пусто. Теперь парень осматривает всю комнату. У письменного стола нет стула, круглый стол – без скатерти. Из продавленного, без покрывала, дивана торчат гвозди. На обоях вырисовывается чистый не выцветший прямоугольник снятого коврика. Рядом – гитара. Комната выглядит такой неудобной. Он бросает взгляд на видную из открытой двери пустую вешалку с плащом на крючке, недалеко от двери голую детскую кровать, рядом – распахнутый

пустой гардероб, ничем не прикрытый диван и ряд гвоздей от коврика, и это фото на голой стене. На нем – он с девушкой в свадебном наряде, прижались друг к другу щеками, оба худые, глаза горят. Оторвав взгляд от фотографии, парень медленно, с понурым видом, подходит к пустому трюмо и пишет на пыльной поверхности зеркала крупными буквами: «УШЛА!»

Парень сел на диван, закрыл лицо руками, как-то сгорбился. Потом сильно потер лицо ладонями, вскочил, ссутулившись, походил по комнате. Остановился около валявшегося на полу длинного полотенца, схватил его и расстелил посередине комнаты. По одну сторону от полотенца оказались детская кровать и шкаф, по другую – диван и письменный стол. Парень стал переносить трюмо в сторону детской кровати, а к дивану потащил полку с книгами, гитару...

С гитарой в руках он задумался. Сел на полотенце посередине комнаты – на «нейтральной полосе», и смотрел по сторонам. Взъерошенный, с мокрым от слез лицом, он смотрел на две кучи баррикад, где на одной стороне лежали кастрюли, таз, грелка, веник, «лентяйка» с половой тряпкой, кухонный столик, мясорубка... А на другой была кровать-раскладушка, старая пишущая машинка, спиннинг, коврик со значками, эмалированная миска, кружка, ложка, вилка и нож...

Наконец, тяжело дыша, он расстегнул мокрую рубашку, подошел к балконной двери, распахнул ее – и замер...

На солнечном балконе, на перилах и на веревке, были разложены детский матрас и тюфяк, коврик, одеяла, пальто, костюмы, подушки, стул... Для просушки.

В своих вечерних рассказах также о воспоминаниях Жени Богова. Кире молодой писатель поведал

РАЗБИТАЯ ГИТАРА

За столом сидела подвыпившая компания ребят и девчат. В середине стола стояла елка, украшенная несколькими игрушками. Вокруг нее – тарелки с закусками и начатые бутылки с водкой и спиртом.

Покачиваясь, Женька Богов подошел к висящей на стене гитаре, потянулся за ней, но его качнуло, он зацепился за струну и порвал ее. Не обращая внимания на это, он играл около стола на гитаре, но никто не реагировал. Один приятель, с набитым ртом, игриво щекотал толстой девушке второй подбородок. У другого гостя, с выдвинутым, как у лошади, подбородком, когда он ел, сильно шевелились большие уши. Третий наливал себе под столом в стакан водку и прятал бутылку между ног. А девушка Женьки Богова, хозяйка квартиры, чернявая, в цветастой кофте, подмигивая, шептала симпатичному соседу что-то на ухо так близко, как будто целовала его. Тогда Женька, видимо, разозлившись, ухватился за гриф, замахнулся и стал бить гитару о спинку металлической кровати с остервенением. Рядом с книжной этажеркой полетела на пол круглая кукла «ванька-встанька», какой-то чертеж, свернутый трубочкой. Сразу все заметили, уставились на пьяного инженера. Борис продолжал улыбаться, стараясь свести выходку Женьки на шутку:

– Концерт окончен, до новых встреч, дорогие товарищи, – и встал из-за стола, направляясь к

выходу. За ним потянулись и другие гости, каждый шутя в меру своих способностей.

А гитара треснула, и две половинки повисли на струнах в руках поникшего на стуле Женьки Богова.

И вот Борис понял, что такой молчаливый человек мог от отчаяния совершить тот невероятный поступок, о чем рассказывал раньше.

Евгений Богов после института работал по распределению из рыбвтуза инженером-холодильщиком далеко на Севере, чуть ли не на берегу Ледовитого океана, в одном рабочем поселке, где в единственном месте добывали редкую рыбу с красивым названием – ряпушка или что-то в этом роде. Там ее, как нередко и в других краях, неправильно называли сельдью. Вообще-то ряпушка сибирская обитает в бассейне Ледовитого океана, от Белого моря до Аляски. Сибирская ряпушка достигала свыше 40 сантиметров в длину, имела более 500 граммов веса.

Из-за дефицита и деликатного вкуса в России ряпушка практически была истреблена браконьерами. А здесь, в поселке, рыбаки ловили эту ряпушку неводами различной конструкции во время ее хода на нерест. Как известно, ряпушка нерестится все лето до ледостава, и часто нерест заканчивается подо льдом. Небольшой завод со старым оборудованием, образца 1905 года, с клиноременной передачей, принимал от рыбаков и обрабатывал улов вплоть до

прихода судна с Большой земли за ценной продукцией один раз в год. И быстро уходил, чтобы успеть вернуться на Большую землю до конца навигации.

И больше никакой связи с цивилизацией в поселке не было, хоть волком вой на луну. В основном пили привезенный теплоходом спирт. Но больше всего молодого инженера выводило из себя то, что такая ценная и редкая рыба, выловленная рыбаками, наполовину выбрасывалась и закапывалась в ямы на берегу океана, потому что завод не справлялся с уловом. Берег был усыпан этими кротовыми норами. Молодой специалист должен был обеспечивать заморозку заводской продукции. Он переживал, что половина сырья в холодильники физически не могла поместиться. Он написал об этом письмо в Министерство рыбной промышленности, просил увеличить площадь холодильных камер за счет строительства нового холодильного склада, послал свои чертежи и расчеты. Но теплоход не привез ему никакого ответа из центра. Другого теплохода оставалось ждать еще один год.

И Евгений Богов утепился в купленную у местных рыбаков меховую кухлянку, захватил верх-

нюю глухую меховую одежду типа сокуя, напялил меховые сапоги – унты, закинул на плечи рюкзак, набитый продуктами и спиртом, встал на лыжи и, никому не доложив, ушел из поселка. Куда? Домой. Хотя бы сначала – до первого ненецкого поселка. Этот поступок можно расценивать как попытку суицида. Конечно, парень на другой-третий день выбился из сил в безлюдной тайге, упал в снег, потеряв сознание... Но Бог спас Богова. Его учуяли собаки проезжающей мимо собачьей упряжки, и ненцы в юрте всю ночь его по-своему реанимировали.

Передавая от чума к чуму, парня отправили на Большую землю. Так он попал на Алтай. Здесь выправили ему документы, дали работу и квартиру. И Женька притих. Работал добросовестно, читал английские книжки со словарем, играл на гитаре. Правда, молодой руководитель все больше молчал. Часто пил. Не мог сдружиться с рабочими, потому что с этим молчуном – не украсть, не разговориться. Вроде, приятный на вид парень, но чужой. Лишь все девчата на заводе – влюблены. На одной из самых тихих он даже собирался жениться, но все откладывал, откладывал...

Глава 22

Позже, когда Борис работал в подвальной московской конторе в отделе техпомощи, один из его коллег, с патологией – сердце у него не в левой, а в правой стороне, – открыл Борису тайну его существования, его судьбы. В беседе о начальстве он сказал:

– Ты, Борис, – конфликтный. – И продолжал дальше говорить о других.

Но Борис запомнил эту фразу, потому что понял свое предыдущее бытие.

Уже на первой своей работе, в Рубцовске, он ругался с руководством, казалось, из благих побуждений.

Там ему пришла в голову здравая мысль из прежних институтских учебников о том, что рабочим положено получать на вредном

производстве молоко за вредность. Ведь холодильник работал в условиях, когда аммиак или фреон из холодильной системы постоянно загрязняли компрессорный цех. Никакие сальники и прокладки на сто процентов от этого не спасали. Молодой инженер поделился с машинистами своим предложением, и они его поддержали. Он составил грамотное предложение в администрацию завода и профком, с просьбой выдавать за вредность компрессорщикам бесплатно по литру молока в смену.

Директор Масыкина, прочитав записку Карина, расхохоталась:

– Что, они мало молока воруют с завода?

– А теперь не будут, – расплялся Борис.

– Иди, работай! – отмахнулась Масычка.

– Я буду жаловаться в Росмолоко, – не унимался Борис. – Вы зажимаете нашу инициативу. Простой раз разорвали мое ходатайство и отказались повысить разряд опытному слесарю – не известно, по какой причине...

– Известно! – взревела Масы-

кина. – Еще раз уйдет на неделю в запой – вообще выгоню.

Последние слова Борис уже слышал, выскочив из кабинета директора в коридор.

А через пару дней правдолюб-бец-ветеран отвел Бориса из компрессорной покурить и прямо ему сказал:

– Ты что, парень, бузишь? Директор в ярости чуть слесаря не уволила.

– Я защищал рабочий класс, – опешил от вести инженер. – Вы же согласились было получать молоко за вредность...

– Кончай нам головы морочить! – прикурил компрессорщик от сигареты Бориса. – Ты – залетный, а нам здесь жить.

И Борис пожалел, что согласился с Женей Боговым поменяться производствами, став инженером новостроящегося гормолзавода. Если на старом заводе директор Петров был малограмотным, но спокойным Пер-Пером, то на новом заводе грамотная чересчур директор Масыкина его растерзает. К ней в кабинет входить, как в клетку с тигрицей.

Глава 23

Получив гонорар за следующий телеочерк – теперь о передовиках производства на заводе «Алтайсельмаш», – Борис решил устроить небольшой банкет Севрюкову. С Кирой они накрыли в квартире стол, купили две бутылки спирта, соленую рыбу на рынке, помидоры, огурцы и соленый арбуз. Борис очень удивился, увидев первый раз на рынке соленый арбуз. В Астрахани, фактически арбузной столице, за 25 лет он ни разу не встречал соленого арбуза. Правда, вспомнил, что отец при

единственной встрече с сыном заставил его, мальчишку, в Быковых Хуторах на Дону есть незрелый розовый арбуз, посыпав немного солью. Но это кушанье, считал Борис, от жадности отца. А Сергей Иванович – тоже бывший астраханец. Купленным соленым арбузом решили его удивить. Севрюков, и вправду, удивился, поставив на стол свои две бутылки водки.

Пир получился горой. Борис признался, что о разрыве Севрюкова с женой в Астрахани он узнал от матери, которая работает с

его бывшей женой в одной школе. Севрюков расхохотался, узнав о таком совпадении. Вот действительно, Земля – круглая.

– Значит, было на небесах задумано, что мы должны с тобой встретиться в Рубцовске, – философствовал главреж. – Все заранее определено, а мы говорим – совпадение, совпадение...

Борис рассказал о том, что получил нагоняй за то, что слесарю не повысили разряд по рекомендации квалификационной комиссии. А у него трое детей-погодков, да жена с тещей на шее.

– Не солнышко, весь мир не обогреешь, – успокоил его сильно захмелевший Севрюков, закусывая творогом водку. – А хорошо свежий творог оттягивает. Что-то ты ни разу не принес на телестудию творожку или маслица со своего завода за удачные командировки.

– Творог мы на базаре купили, – быстро вмешалась в разговор Кира. – Он боится брать «шабашку» с завода, могут поймать и посадить в тюрьму, говорит.

Борис, побагровев, смолчал. Открыл вторую бутылку спирта, разлил и поднял тост за Севрюкова:

– За кормильца нашего, – подержала Кира.

– А что, водка кончилась? – мельком спросил Севрюков.

– А что?.. – отозвался Борис. – А ты знаешь, Сергей Иванович, что Алтайсельмаш начал выпускать продукцию в голой степи под открытым небом?

– Нет, не знаю. А что же ты в очерке не написал?

– Секретные данные. Из Харькова в войну все станки увезли, сбросили в Алтайской степи. И стали срочно заливать фундаменты, ставить на них станки и делать «с колес» снаряды. А одновременно

возводили цеха над ними. Сталин перед войной был в Рубцовске, вот и вспомнил, куда можно эвакуировать заводы. Так Рубцовск исторически сложился и получил развитие во время Великой Отечественной войны на базе предприятий, эвакуированных из европейской части России. «Алтайсельмаш» и родился в годы войны на базе эвакуированного Одесского завода сельскохозяйственного машиностроения, а Харьковский тракторный завод дал начало Алтайскому тракторному заводу. Он тоже начал выпускать танки под открытым небом в 1942 году. И за успешное выполнение заданий семилетнего плана был награждён орденом Ленина. А мне не посоветовали об этом писать.

– Следующий раз пойдешь со своими поэтами Швабриным и Шлепенчуком на Алтайский тракторный. Почитаете свои лучшие стихи рабочим в обеденный перерыв, а во вступительном своем слове скажешь об этой родословной заводов. Телекамеру мы обеспечим и с руководством договоримся.

– Спасибо, Сергей Иванович, – пожал ему руку Борис. – Лишь бы рабочие захотели нас слушать. Ведь на АТЗ работает слесарем-сборщиком Виктор Шлепенчук.

– Ты зажги людей! – стал собираться домой, слегка покачиваясь, гость. – Спасибо за угощение.

На прощание обнялись, и Севрюков ушел. Но что-то у него, судя по задумчивости, осталось недосказанным.

– Видимо, он не поверил, что я не ворую, – предположил Борис. – А ты знаешь, Кирёнок, что все холодильники кончают тюрьмой? Об этом мне наш правдолюбец-ветеран сказал в компрессорной...

Провести встречу с поэтами на заводе помог старший мастер АТЗ Александр Золотавин, он сам поэт.

Встреча состоялась в обеденный перерыв. Рабочие не хотели отрываться от домино, стучали костями: «Рыба!» Поэтов было трое. Кто-то из рабочих сказал: «Буржуи пришли». Бориса это задело. Он зарабатывал чистыми 70 рублей, а рабочие «Сельмаша» – 370 рублей. И что, он буржуй? И, посмотрев на играющих в домино рабочих за грязными столами, Борис думал: «Что я могу им прочесть из моих стихов, чтобы они не морщились от пренебрежения?» Посмотрел на своих спутников – этим двоим было уже все равно, они не в первый раз здесь выступали. А Борису было стыдно и жутко тоскливо. «Для чего, для кого я пишу?» – спрашивал себя потерянно Борис. Конечно, после выступления, ему похлопали. А потом, поди, послали вдогонку какую-нибудь сальную шутку. Может быть, два-три человека и послушали стихи местных поэтов, как всегда невнятные и по мысли, и по хрипу старого микрофона. Но они их не восприняли и не получили удовольствия. Саша вяло пошутил: «Им надо было что-нибудь сплясать» и хлопнул ладонью по

каблуку сапога. Швабрин промолчал. А Борис подумал: «Может быть, им нужны стихи, берущие за душу, задиристые, решающие их проблемы?» Но выступление поэтов засняли телевизионщики и сказали, что получилось все нормально.

Когда выступление поэтов на «Сельмаше» было показано по телевизору, Севрюков ничего о качестве не сказал. А прощаясь, спросил один на один Бориса:

– А куда делась вторая бутылка водки на твоём банкете?

– Я спрятал ее в шкаф, – багровея от стыда, признался Борис. – Думал, что нам хватит пить, чтобы не поссориться.

– И про творог – враньё, – распрощался холодно Севрюков.

Больше Борис телеочерки не писал. Только по субботам в компании поэтов изредка читал свои новые стихи по телевидению.

«Наверное, не надо было говорить Севрюкову, что знаю о его скандальном разрыве с бывшей астраханской женой», – сожалел про себя Борис. И, конечно, было стыдно ему за спрятанную дефицитную водку. Проклятая нищета!..

Глава 24

Он поделился с матерью своим «водочным преступлением». Конечно, получил «тактичный» треп от матери.

Семью Бориса разъединяли, как всех, наверное, молодоженов, а не сближали трудности притирания друг к другу. Разные взгляды на жизнь, неопытность обоих, привыкших жить за мамочкой, нужда из-за того, что Кира пока не

работала по беременности, а Борис, молодой специалист, получал гроши. Наконец трудности с новорожденной дочкой, суровость климата и людей в Рубцовске, окруженном колючей проволокой мест заключения в степях Алтая. Кира иногда плакала, не признаваясь мужу в отчаянном желании сбежать из этого края. Наверное, она завела дружбу с соседями по

дому, которым могла рассказать о женских тайнах. Но Борис не знал ее подруг и не догадывался, как это эгоистично. Зато потом внимание этих подруг помогло Кире узнать о подробности жизни Бориса. А пока Кира мечтала вернуться к маме. Но как вернуться? Ведь молодой специалист, по закону, должен был отработать три года на предоставленном ему предприятии. Этот закон не выходил из памяти.

Борис не знал, что Вера Васильевна говорила его матери: «Как вернуться – так в пять минут разойдутся». Мать Бориса, Алина Алексеевна, не поверила этому предсказанию и прислала денег ребятам приехать отдохнуть на Волге во время отпуска Бориса. И они всей семьей, втроем, поехали на поезде в Астрахань.

Знал ли Борис, что везет домой приговор своему семейному счастью? Нет, не знал и даже не подозревал. Знала только Кира. Она видела, что хиреет грудной ребенок от недостатка молока у матери. Надо не только себя, но и дочь спасти от этой картофельной голодухи. Она проклинала себя, что сорвалась с родных мест на Алтай. На собственной шкуре поняла, в каких тяжелых условиях живут там люди. Она и сама похудела, одна кожа и кости. Да и муж, потолстевший вначале работы, через год похудел и почернел. Его хотели призвать в армию, но по состоянию здоровья оставили рядовым необученным.

А у Киры сбежать нашелся серьезный повод. У матери стали подозревать раковую опухоль в груди. Это письмо заплаканная жена показала Борису и стала его умолять отвезти в отпуск ее с Танечкой в Астрахань, чтобы ей быть ближе к больной матери.

Борис попросил отпуск на работе. Он решил ехать через Москву, чтобы похлопотать в Министерстве пищевой промышленности об отзыве его с Алтая по состоянию здоровья родителей.

И вот на Запад мчался поезд с Востока. Борис в тамбуре курил и смотрел в окно, как вьюга гналась за ним. От его сибирского восторга остался в горле только горький дым. Первый тайм Борис не выиграл. Лихой казак бежит домой...

Танечка очень тревожно переносила путешествие в поезде, часто плакала, и Борис ее укачивал и не выпускал из рук, пока она не успокоится.

Оставив Киру с дочкой в Комнате матери и ребенка на московском вокзале, Борис пошел в Министерство. Падал под ноги и таял мокрый снег. Погода промозглая. А люди толкались, на вопросы Бориса, как пройти, не отвечали. Это – не Астрахань.

К заместителю министра Борис не попал, его направили только к ведущему специалисту главка. Раньше его мать Алина Алексеевна ездила в Москву хлопотать, чтобы больную сестру Надю, молодого врача, отпустили домой в Астрахань из Магадана раньше трехлетнего срока. Но здесь больная теща. Мать тоже не инвалид.

– Вот вы внештатный корреспондент газеты, пишите стихи, а говорите неграмотно – «маленько болеет», – ехидно улыбнулась Борису молодая чиновница министерства.

– Поймите, у нас не только у тещи признали рак груди, и за ней нужен уход. И моя мать-учительница одна живет с полиартритом ног, еле ходит, – пытался объяснить свою просьбу Борис,

– у меня и жена падает в обморок на улице, грудной ребенок болеет, теряет вес...

– У вас, Борис Константинович получается невероятный перебор болячек, – недоверчиво улыбнулась ведущий специалист, поправив пышную прическу легким движением руки. – Если это не хитрость, надо было запастись заверенными печатью справками из медицинских учреждений.

– Меня самого по состоянию здоровья освободили от службы в армии, – выложил Борис последний аргумент. – Могу военный би-

лет показать.

– Не надо. Работать-то вам можно? – Она встала, давая понять, что разговор окончен. – Извините, придется вам вернуться в Рубцовск. Закон нарушать нельзя. Вы еще молодой, стыдно хныкать и вилить. Нам всем со страной надо осваивать целину Алтая. До свидания.

И Борис ушел из министерства несолоно хлебавши. Он шел за снеженной Москвой, вместе с нескончаемой толпой чужих людей. И зло топтал ногами нежный, плачущий от боли снег.

Глава 25

Поезд приближался к Астрахани. Кира немного повеселела. Конечно, встреча с мамочкой после разлуки – всегда праздник. А Борис смотрел, как кружатся хороводами березы за окнами поезда, все желтые. С потерянными листьями – потерянными надеждами. А в голове Бориса вертелось начинающееся стихотворение: «И ветер оборвал с разбега мои зеленые листья...»

Мать на вокзале не узнала Бориса. Обняла крепко и шептала: «Худущий, черный!..» Наверное, вспомнила, какой такой же черной «брошенкой» приехала домой к матери от мужа из хутора Зимняцкого, где Борис родился.

Потихоньку спросила она по дороге Киру:

– Что он такой черный?..

– Он больной. Туберкулез, – ответила Кира тихонько за спиной идущего впереди Бориса, прижав Танечку, укутанную в теплое одеяло.

Борис услышал шепот, но не разобрал, о чем они говорили. Только несколько лет спустя мать

ему призналась, какой приговор вынесла тогда на вокзале сыну его жена Кира.

А тогда, поняв, что на Алтае больной Борис замерзал в своем астраханском драповом пальто, срочно решила купить ему теплое зимнее пальто. Залезла в ломбард и в долги, но денег набрала. Целый день с утра они ходили с ним по скудным астраханским универсамам, но ничего подходящего не нашли. А мать боялась потерять деньги и оставить Бориса без пальто. Поэтому согласились купить совершенно немужского – палевого цвета пальто. Зато очень теплое, и с большим воротником из искусственного меха, подкрашеного в коричневый цвет волка. Борис чувствовал себя в этом пальто, как пугало. Но смолчал. Потому что в нем было тепло.

Пришли домой, еще на Красноярскую улицу, потому что мать пока не въехала в квартиру в строящемся кооперативном доме. Вошли во двор. А вслед за ними с улицы вбежала Кира, в теплом пальто с песцовым воротником.

Это пальто Борис ей купил перед отъездом на Алтай.

Кира ревела навзрыд. Она толкнула Бориса, воздев к небу кулаки:

– У моей мамы рак! Она умирает в больнице. А они пальто пошли покупать. Вам-то что! Только о себе думаете. Приспичило покупать это дурацкое пальто!.. Как не стыдно?

Она бегала около порога по двору и кричала. Мать Бориса была огорошена, механически хватала Киру за пальто и просила:

– Тише!.. Тише!..

Глава 26

Отпуск у Бориса закончился.

Борис пришел в рыбный институт к проректору Артемьеву. В кабинет к нему его пропустили быстро. Рассказал о своей работе на Алтае. А потом попросил вернуть Киру на факультет промысловства.

– Борис, я помогу ее восстановить на второй курс, – сказал Артем Захарович. – Но учиться она не будет. Тем более у вас грудной ребенок.

– Будет, – упорствовал Борис, сам понимая, что Артемьев прав. – Она больше не поедет со мной на Алтай. И даже будет продолжать заниматься в студенческом драмкружке. Ведь у нас две хорошие бабки в помощь – моя и ее мать. Операцию сделали. Опухоль не злокачественная.

– Что, грудь отрезали? – участливо спросил Артем Захарович.

– Да, – кивнул Борис.

Сказал, а сам переживал, возвращаясь домой, что мать Киры все же боится, что у нее рак. Но многие живут и без одной груди долго. Вон амазонки-то вообще

А Борис вспомнил, как ему было стыдно от школьников его шестого класса, когда на торжественной линейке ему классный руководитель вручала теплое ватное пальто в подарок от школы. Стыдно потому, что Борис понимал: это подачка бедной матери-одиночке от школы.

– За хорошую учебу! – сказала учительница, и школьники, улыбаясь, зааплодировали.

И мать Киру Борису было очень жалко. Неужели умрет?!

сами отрезали себе одну грудь, чтобы не мешала стрелять из лука, и были сильными и здоровыми всадниками, грозой любых варваров.

С Танечкой в основном сидела мать Бориса. Качала родную внучку по ночам. Но Кира ворчала, ссорилась по пустякам в доме Бориса. Он понимал, что жена переживала за свою маму, за то, что Борис ничего не может сделать, чтобы не возвращаться на Алтай, за то, что никто его на работу даже не берет – не имеет права по закону о молодых специалистах.

А когда Веру Васильевну выписали из больницы, Кира вообще сбежала к ней домой, вместе с Танечкой. Не раз Борис пытался вернуть Киру. Каялся про себя, что увез ее из Рубцовска. Там жене некуда было бы бежать. А вернулась – попробуй ее удержи, настырную такую. Да еще, действительно, ей нужно было помогать матери после операции. Отчим в сиделки не годился, пьяница, да и ребенок своим криком его только раздражал, не выпить, не закурить в доме.

У Бориса кончилось терпенье, да и кончился отпуск. Теперь в Рубцовске от Масякиной будет нагоняй, что приедет на работу позже положенного срока. Правда, справку о задержке Бориса по состоянию здоровья матери в Астрахани дала участковый врач. Ноги у Алины Алексеевны «болели пострашному», как она стала чаще говорить.

Перед отъездом Борис ночевал с Кирой в ее квартире. Вера Васи-

льевна ругала зятя, что он бросает жену с ребенком. Кира ей вторила. Объяснения Бориса они не хотели понимать. Борис уткнулся в подушку на кровати рядом с Кирой и молчал.

– Сибирь тебя заждалась? – кричала теща, вынося горшок от Танечки в два часа ночи. – Ну, берегись, хлебнешь ты алиментов, это я тебе как бухгалтер обещаю.

«Берут на испуг!» – подумал Борис и заснул.

Глава 27

Борис так и не запомнил, как проскочила в поезде неделя на колесах. Стучала в голове хромота железных колес под ногами, и днем и ночью: тук-тук, тук-тук, тук-тук. А ведь была и пересадка в Урбахе. Только не было тяжести ящичков с приданым. Чемодан да пара набитых добром сеток. А в сетках – соленая вяленая осетрина и гостинец, черная икра Швабину, с которым Борис больше всего и сошелся на Алтае, считая его своим другом. Посылал ему телеграмму из Астрахани. Поезд указал – встречай. Да не встретил. Может, и телеграмма не дошла.

Февраль закрыл Рубцовск метелью. Станция на Вокзальной улице, только в другом ее конце от дома. Пришлось ждать на холодном ветру автобуса. А когда он пришел, Борис еле в него влез. Хорошо сообразил – лезть боком, пробиваясь в толпе чемоданом вперед. А выходить из автобуса было еще сложнее. Осыпанный ругательствами пассажиров, он вылетел как пробка из автобуса. Поскользнулся на ледяном асфальте на остановке и растянулся со страшной силой – все вещи вылетели из рук и разлетелись на тротуаре.

С болью вставая на ноги, Борис сказал вслух: «Здесь матом начнешь писать!» И почему-то запомнил эти свои слова на всю жизнь.

И тогда удивился сказанному. Дотащился, хромая, до своего кирпичного пятиэтажного дома. Поднялся на пятый этаж. Открыл свою квартиру. И сразу бросилась в глаза на голом крашеном полу полупустая детская кровать посередине комнаты. Вспомнил давнюю фантазию – как-будто тогда себе напроорочил. В ней раньше лежала и улыбалась ему Танечка. Протягивала к нему ручки, чтобы он ее скорее взял и прижал к груди. Теперь дочка осталась с матерью в Астрахани... Вдохнул Борис и пошел в ванную. Включил воду умыться, а воды холодной, конечно, опять нет. Не доходит она до пятого этажа. Налил горячей воды в ванную, помыл ее и закрыл слив, чтобы набрать полную ванную горячей воды. Пусть остывает. Хватит на целый день.

Пока мыл полы, думал о том, как жить одному. Надо бы сварить картошки. Пожарить не сможет, потому что нет подсолнечного масла. А сварить – это дело. Переоделся, пошел во двор в стайку, четвертую справа, где хранилась и его

картошка. В Астрахани такую сараюху называют амбаром. А здесь на каждую квартиру – своя стайка. Сколько труда они вложили с женой, чтобы запастись картошкой. Три мешка на зиму купили. Масыкина собрала с сотрудников гормолкомбината деньги, нагрузила молочными продуктами грузовую машину и отправилась покупать дешевую картошку на всех желающих работников в знакомый колхоз. А когда привезла в Рубцовск, каждый сам забирал мешки картошки. Борису никто машину не дал, пришлось тащить мешки на себе. Принесли за два раза.

Борис открыл стайку, отвернул от глубокого ящика брезент, набрал в ведро картошки. Холодная – как металл, чуть руки не отморозил. А картошка-то перемерзла! Как камень. Бориса дома не было, и поэтому мешки никто не укутал. А на дворе февраль. Вся картошка пропала, на зиму теперь у Бориса ничего нет. Живи как хочешь. Борис высыпал картошку из ведра, с тяжелым сердцем закрыл свою стайку и вернулся домой, усталый и злой. Вот она самостоятельная жизнь, бестолковая. Я сам, я сам! А как ему самому жить – не поддохнуть?

Прочитав астраханские письма, которые пролежали в письменном ящике больше месяца, а Борис еще больше расстроился и даже разозлился. Он сел за стол и написал матери резкое письмо.

«Здравствуй, мама!

Да, с тобой поделиться нельзя, а я, дурак, все не верю этому. Подняла такой скандал, что я в ужас пришел от всех тех «тактичных» мер, которые ты предлагаешь. Не, мамуля, не выйдет у тебя номер. Я тебе не разрешу больше вламываться в мою жизнь. Слишком мне это дорого обходится. Развалилась

семья – и опять ты хочешь «тактично» лишить меня любви Танюши. Ты можешь рвать мои письма, можешь на меня обижаться, но я тебе категорически не позволю вмешиваться в мои отношения с моим ребенком, категорически возражаю против твоего приезда в Рубцовск. Мне опять придется бежать от этой твоей ласки, от которой можно задохнуться. Все вопросы с ее образованием, воспитанием, одеванием я решу сам, ничуть не хуже тебя, а намного лучше. Если смогу, я приеду в отпуск в Астрахань. Мне надо здесь обжиться. У тебя есть тоже гнездо, вот и сиди в нем. Я к тебе буду приезжать, на сколько дней смогу. Такого мнения и вся наша родня. Танюше ты сможешь давать все, что хочешь, все равно это выбросят и правильно сделают. Потому что не было еще ничего путного в том, что ты покупала. И шапка, которую ты мне купила, – страшная, дорогая, но все равно мне жмет, давит голову. А овчинная дубленка – идиотского фасона. Это о тебе. Следующая страница – обо мне.

Я получил на себя такую характеристику от людей, с кем работал, что мне стало просто мерзко с самим собой. Самое главное, что это не первая характеристика. Такого же мнения обо мне и бывшая жена, и некоторые друзья. Я мог с ними ссориться, разрывать отношения, но факт остается фактом. Правильно только одно. Я внешне создаю неплохое впечатление, но когда люди узнают меня поближе, они меняют свое отношение ко мне. Ты всю жизнь «боролась», чтобы вытравить во мне скверные черты характера. Но, во-первых, твоя нервная система, как и всего нашего рода, очень неуравновешенная, и это сказывается на

наших характерах очень отрицательно. Во-вторых, и тоже тебя не виню, у тебя тоже много отрицательных черт, которые ты таковыми не считаешь. И они перекочевали в меня. В-третьих, я сам по себе скверный человек, жестокий, завистливый, трусливый, вредный, жадный, мстительный, эгоистичный, скандальный, тщеславный, мнительный, завистливый, подозрительный, себялюбивый, бездушный, корыстный, заносчивый, ревнивый, невежда, ябеда, инфантильный плебей. Во мне не развиты мужские качества, нет половой культуры, очень ограниченные возможности и очень большие запросы. Немного излечил меня от неврастении гипнотизер. Но остатки этого уже закреплены характером. Я не берусь и не имею права говорить о твоих отрицательных чертах характера, но о своих чертах я большей частью наслышан от друзей и врагов, родственников и коллег, соучеников и сокурсников. Особенно сейчас люди моего возраста говорят обо мне со знанием опыта, авторитетно, потому что, как и я, начинают разбираться в людях.

Вот так-то, дорогая мама. Этот список неполный. Есть у меня и положительные качества. Только из-за них не все еще отвернулись от меня. Но в коллективе, в любом, через два года меня уже узнают во всей моей «прелести», и я становлюсь предметом обсуждения как

неприятная личность. Я подозреваю, что и твой «ярлык» в школе вызван не только местью директрисы школы. Эта месть была поводом. А главное – мы сами со своими «прелестями», что мы из себя представляем на самом деле.

Это не значит, что, раз такой плохой, то уже и жить нельзя. Подобных людей много. Свое мы с тобой доживем. Но нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Надо сказать, я не знаю, какая по характеру Кира (так как еще не разбираюсь в людях), но она гораздо лучше нас с тобой. Она сделает Танюшу лучше нас. Но если ты вмешешься, то я останусь без последнего светлого пятна в моей жизни – удовлетворения своей любовью к дочери. Мне не будут давать Танюшу, это жалко. Да, откровенно говоря, Танечку бы нам давали, если бы мы захотели брать (хотя бы по суду), а ты бы не была таким «бронетранспортером», который вламывается в чужую душу и вершит там по своему разумению и желанию, не считаясь с другими, с их чувствами, их достоинствами и недостатками, не думая о будущем, о том, что разбить просто, но потом не склеишь. Было бы очень хорошо, что бы ты это письмо читала почаще, особенно в порыве такой скандальной страсти, в которой я тебе это письмо отсылаю. Извини, я не смог молчать. Борис».

Слава Богу, что Борис это письмо не послал матери.

Глава 28

Мать дала в дорогу Борису два килограмма черной икры. На подарки. Ее можно было достать в Астрахани по 3 рубля за килограмм. При зарплате 37 рублей это для матери были большие

расходы. Сложив часть икры в баночку от хрена, Борис пошел домой к Швабину. На Вокзальной улице был сильный ветер, снег поднимало вверх от его порывов с земли, как летом пыль, и бросало

в лицо. Автобус ждать – замерзнешь, поэтому Борис шел пешком. В квартире долго не открывали. Наконец Юрий распахнул дверь и ойкнул:

– Мы думали, что ты уже не вернешься, больше месяца прошло, – пожал он руку Борису, как постороннему. Это задело Бориса. Он предвкушал прием родной. «Даже не обнял, как прежде», – подумал он. Но чаем его все же угостила Юркина жена Нина. Все такая же мягкая и приветливая, как прежде. Ей и вручил Борис астраханский подарок – баночку черной, паусной, икры. Как они оба были рады!

– Спасибо, старик! – смахнул чуб со лба Швабрин. – Знаешь, как тебя отблагодарим? – шагал он по комнате, высоко поднимая, по обычаю свои длинные ноги, как жерди. – Пойдешь с нами в тюрьму.

– Что? – вскочил с табурета ошарашенный Борис.

– Не пугай! – засмеялась Нина и хлестнула Юрку по голой шее.

– Читать стихи зекам, – улыбался Швабрин, довольный своей шуткой. – Я попрошу, чтобы тебя включили в нашу группу четвертым. Согласен?

Конечно, Борис согласился. Хоть и знал он, что кругом за городом лагеря огорожены колючей проволокой, но зеков не видел.

И вот они приехали на «газике» в лагерь заключенных – бывших больших начальников и работников местных и партийных органов, приговоренных на полный срок – 25 лет. Начальник тюрьмы в своем кабинете поблагодарил руководителя литобъеди-

нения «Старт» и редактора газеты «Коммунистический призыв» за то, что согласились устроить поэтический вечер в их «коллективе». Сказав «коллектив», он многозначительно кашлянул и подморгнул гостям. Попросил поэтов – каждого прочитать только по одному стихотворению, чтобы не затягивать концерт, потому что еще будет музыкальная часть артистов из клуба Алтайского тракторного завода, АТЗ. И проводил гостей в Красный уголок тюрьмы. Там на скамейках уже сидели зеки. Борис боялся на них смотреть, когда проходил мимо, как на раздавленных машиной людей. Знал, что сидели – кто за убийства, кто за крупные кражи имущества. «Они все – смертники, хоть смертную казнь отменили, – рассказал в машине по пути один из солдат охраны. – У кого срок заканчивается – мы раздражим, он кидается на проволочное ограждение, и его застрелят за попытку к бегству, да еще нам премию дадут за хорошую службу...»

При тусклом свете и спертом воздухе в Красном уголке все представлялось Борису смутно, как в тумане.

Борис от волнения даже не слышал, как выступал Швабрин и другие поэты, только твердил про себя свое стихотворение, чтобы не забыть. Как назло, забыл взять его из дома. Наступила его очередь выступать, последним. Борис поднялся на низенькую сцену, глянул на сплошные ватники, сидящие тесно на лавках и поздоровался: «Здравствуйте!...» А как дальше обращаться к зекам, не решил. И сразу стал читать стихотворение:

ТАЙГА РАССТУПАЕТСЯ

Играет кровь и дух возносится,
Когда ты крепкою рукой,
В поту от ног до переносицы,
Сосну корчует за сосной.

Пусть губы сохлые, шершавые
Горят от жажды и мошки, –
Глаза, веселые и шальные,
Огни таежные зажгли.

Ты в пору неумной юности
Схватился с вековой тайгой.
Тебе хватило сил и мудрости,
Чтоб выиграть неравный бой.

Тайга угрюмо улыбается,
С утра умытая росой.
И с неохотой расступается
Перед мальчишками с пилой.

На землю топкую, липучую
Покорно падает сосна.
Не быть тебе, тайга, дремучею –
Ты людям свет нести должна!

Зеки захлопали. Еще бы – это стихотворение считалось лучшим и было опубликовано в краевой газете «Молодежь Алтая». «Слава богу, не забыл», – перекрестился про себя Борис и заторопился выйти за друзьями из Красного уголка. А аплодисменты еще продолжались.

Борис не знал, что в это же время какой-то искусствовед Василенко в тундре писал другие стихи:

РВЫ В АБЕЗИ

Я погибал.
Я сознавал это.
Сколько еще могу продержаться?
Нас каждый день выводили в тундру,
несколько сот человек.
Двигались, подгоняемые конвоем.
Несли лопаты, кирки, носилки.
Тундра встречала болотистой, ржавой травой.
Было лето, но в ямах желтел снег.
Хрипло вскрикивали птицы,
вырывались из-под ног,

кружились и возвращались назад.
Облака сопровождали нас, вглядывались в лица.
Мы шли, разбрызгивая ледяную воду,
в молчании, друг за другом,
наверное, птицам сверху виделись змеевидные колонны?
Но птицы не рассказывали об этом!
Они не пугались, они привыкли к таким зрелищам!
Мы должны были рыть огромные рвы.
Несколько сот человек!
Рвы змеились по тундре.
С каждым днем они углублялись.
Ноги леденели в воде,
хотя нам выдали резиновые сапоги, правда, не всем!
У меня их, как и у многих, не было.
А тяжелые башмаки быстро напитывались водой.
Автоматчики, стоявшие над рвами,
следили за нами.
Я едва держался.
В глазах мелькали тени,
казалось – я слепну.
Вот-вот упаду,
Но поднимут и заставят рыть, рыть!
Рвы росли, были уже выше нашего роста.
Зачем мы их рыли?
Для кого?
Неужели для нас?..

Дальше читать невозможно...
Но Борис не знал еще об этом.

Самое интересное, что даже
здесь, на выступлении перед за-
ключенными, Борис не испытывал
животного страха матери, которая
была «дочерью врага народа». Он
не знал участи своего деда Белова
Алексея Тимофеевича, пригово-

ренного к расстрелу, а потом по-
сле помилования отправленного
на 10 лет отбывать тюремный срок
по 58-й статье в Дальстрое, на Ко-
лыме, в городе Ола. Мать все сде-
лала, чтобы Борис ничего об этом
не знал. Всё скрывала и страна,
о которой Борис с детства пел на
школьной сцене:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Глава 29

Борис угостил икрой и
Женьку Богова. У него на-
мечалась свадьба. Так что икра
была очень хорошим дополниени-

ем на свадебный стол, когда даже
хлеб – гороховый. Женька все же
решился жениться на той девушке,
у которой жил, уступив квартиру

Борису. «Неужели теперь он захочет вернуть свою квартиру? – думал Борис. – И куда же я отсюда денусь?» А сам слушал рассказ Женьки о событиях на заводе.

А в Рубцовске разразился страшный скандал, с криками, взрывом, милицией, судами. Приняли и запустили компрессорную установку. И раздался взрыв. Бригада строителей, конечно, схалтурила – не зря Борис ловил их на фальшивых заглушках. Аммиак выбросило от взрыва компрессора из системы. Хорошо, хоть люди уцелели, только двое машинистов наглотались газа и обожгли мошонки. Бригадир строителей до сих пор в СИЗО, наверное, срок схлопочет за халатность. Бестолковые, все смотрят на инженера, а он сам не поймет, что творится. В компрессорах – полно щебенки. Рассол смешался с аммиаком. Вонь страшная. В носу горит. Респираторы надели, душно. А яйца жжет концентрированный аммиак. Женьке велели проверить всю разводку трубопроводов. Он залез под потолок, а там черт ногу сломит. Идет горячая линия, вдруг соединяется с холодной трубой. Идет труба рассола, вдруг соединяется с аммиачной трубой. Кто ставил между этими линиями соединительные вентили? Или пьяный, или полный дурак. Неужели вредительство?

– А тебя нет, чтобы проверить перед сдачей систему, – медленно говорил Женька, потягивая пиво и закусывая сушеной воблой, которую привез Борис. – И тебя поливали матом за то, что стройку бросил и сбежал. Всыпят тебе, конечно, по первое число за месячный прогул. И справка твоя от врача не поможет.

У Бориса побежали мурашки по телу. Но он молча запивал

жигулевским пивом подступающий к горлу страх. Женька, как обычно, долго молчал, пока бутылку пива не допил. Потом губы протер ладонью и наклонился к Борису.

– У меня в первый же год работы была подобная авария на прежнем заводе, – сказал он тихо. – Долго меня допрашивал следователь. Что, да как, да почему? А в результате... предложил сотрудничать с милицией.

– Как это? – встрепенулся Борис.

– «Будешь, – говорит, – иногда нам рассказывать о новостях на вашем заводе». Я стал мяться, мол, неконтактный. Не привык сам болтать, и со мной не делятся.

– «А ты слушай», уперся он, – совсем понизил голос Женька. – «Вот таким и можно доверять... А это твое дело я закрою». И закрыл.

– А мне вообще нельзя доверять, – затрепыхал пойманный Борис. – Я разговариваю во сне.

И рассказал:

– Помню, в пионерлагере мой кореш рассказывал: «Я проснулся, слышу, Борис что-то говорит ночью. «Ты что мешаешь спать?» – спрашиваю, а он отвечает: «Полный кукан сазанчиков поймал». И захрапел».

«Да ничего я не говорил, врешь ты!» – оправдывался я утром под смех ребят в палатке».

– Забыли разговор! – поставил недопитую бутылку на стол Женька, взял баночку с икрой и ушел.

«Как вовремя я вспомнил свой недостаток!» – подумал Борис, закрывая за ним квартиру на ключ.

И все же Борис тогда не осознал, что это не пересказ Женьки Богова, а попытка вербовки его в сексоты, секретные сотрудники органов внутренних дел...

А через день Борис увидел на доске «Информации» завода листок с приказом директора о строгом выговоре инженеру-механику Карину Борису Константиновичу за долгосрочный прогул после очередного отпуска, за недоделки в монтаже холодильной системы трубопроводов и за убытки материальных ценностей, нанесенные из-за выброса аммиака при взрыве компрессора на новом гормолзаводе.

– За это судить вас надо, дураков, – буркнул за спиной Бориса директор старого гормолзавода

Простаков, – а не выговор выносить.

Борис вздрогнул и обернулся к нему. Но рядом с директором оказался компрессорщик-ветеран. Он дружески улыбнулся Борису и сказал директору:

– Молодого специалиста первые три года не привлекают к материальной ответственности по нашему законодательству. – Он положил руку на плечо Борису и пошел с ним в компрессорный цех, успокаивая на ходу: – Бывают большие потери. А с такими – жить можно. Не сокрушайся.

Глава 30

Целый месяц Борис как проклятый с механиком и Женькой Боговым искали все недоделки строительной бригады, следили за их исправлениями. А за ними, кажется, присматривал и следовательно, часто навещая бригаду и задавая чуть ли не одни и те же вопросы о причинах вредительства монтажников. Какие они вредители, просто халтурщики, скорее деньги сорвать и кое-как сделать? Или вообще не сделать. Например, перед опрессовкой нужно было сделать продувку всей системы. А они ее не сделали, вот поэтому и полно мусора и известки в картере компрессора.

Но о продувке Борис решил следователю не говорить. Сами разберутся.

Домой Борис приходил усталый, но сытый. Потому что каждый раз к ним в компрессорную навевывался кто-нибудь из рабочих мясокомбината. Уж колбаски всегда принесут, чтобы взамен получить молочных продуктов.

Так что Борису оставалось вечером только пожарить картошки на постном масле да купить

бутылку спирта, выпить рюмочку с устатку.

Стихи не писались. С ребятами из литобъединения Борис пока не встречался. Только узнал от жены Шлепенчука, главного технолога молзавода, что Швабрин все-таки развелся с женой. Нашел какую-то поэтессу, а жене оставил маленькую дочку и квартиру.

– Все вы поэты одинаковые – ищите муз на стороне, – нехорошо глянула на Бориса Людмила. – Деньги-то дочке посылаешь?

– Посылаю, если это можно назвать деньгами, – вяло кивнул Борис.

– А чем докажешь? – сразу улыбнулась Людмила.

– Кому? – встревожился Борис. – Жена Кира знает.

– Ты оставляй почтовые квитанции – могут пригодиться, – заторопилась Людмила к фрезеру для изготовления мороженого. – Девчата, вы следить будете? Уже мороженое через край фрезера повалило.

Девчата прибежали исправлять. А Борис задумался над

последней фразой Людмилы Шлепенчук...

Что она имела в виду?

Оказалось через неделю, что она имела в виду поступившее в дирекцию завода из Астрахани решение районного суда о взыскании с Карина Бориса Константиновича алиментов в сумме одной четверти его оклада на содержание его ребенка, Кариной Татьяны Борисовны, в возрасте двух лет, проживающей с матерью, Кирой Николаевной Кариной, подавшей в суд исковое заявление на ее бывшего мужа...

«Как бывшего мужа? – горел пламенем Борис. – Мы не развелись. И Танечке я посылаю деньги

регулярно. Может, в этом месяце еще не успел послать, купил сапоги с аванса, но с зарплаты пошлю. «А чем докажешь?» – вспомнился вопрос Людмилы. Не случайно она встретила мне в цехе мороженого, они виделись редко – в месяц раз или два. Без меня меня женили, точнее – без меня меня развели», – размышлял Борис, возвращаясь домой.

Пришел и напился, выпил полстакана неразведенного спирта. И хоть бы что. «Здесь матом начнешь писать стихи», – вспомнил он свои слова, упав на снежный наст у автобуса. И заснул на кровати в одежде.

Глава 32

В субботу продолжались выступления рубцовских поэтов. Опять пригласили на телестудию и Бориса. Он сидели за трехгранным столиком рядом с Швабриным.

– С дочкой встречаешься, – не выдержал Борис, наклонившись к Юрке.

– Сейчас в микрофон всему Рубцовску расскажу об этом, – усмехнулся он, тронув микрофон перед собой, зная, что пока репетиция – микрофон выключен.

– В детский сад ходит пока без простуд, – таким образом, признался Борис, что встречается с его бывшей женой Ниной.

– Знаю, – прервал признания Швабрин, резко повернувшись к нему. – А ты про свою-то дочку не забыл?

– Мы не разошлись, – зашептал Борис, наклонившись к Швабрину, чтобы Шлепенчук рядом

не слышал, и отвел его от стола в глубь телестудии. – Я не оформлял развод. Я же вернулся дорабатывать трехгодичный срок на гормолзаводе. Пытался остаться с семьей в Астрахани, но против закона не попрешь. Кира не захотела со мной возвращаться в Рубцовск.

– Все равно виноват, – осуждающе сказал Юрка, явно имея в виду больше встречи Бориса с его бывшей женой.

– В чем же я виноват? – злился Борис.

– Почему она подала в суд на алименты?

– Я посылаю для своей девочки деньги.

– Только ли это ребенку нужно? Ей нужен отец. Вот моя хоть видится по воскресениям со мной.

Борис не знал об этом, хотя с Ниной они встречались по воскресеньям. Он не спрашивал у Нины, где ребенок.

– Я пытался в письмах помириться с Кирой? Пытался. Но она решила сама отвечать за судьбу своей Танечки, совсем сбросив меня со счетов.

– Сам виноват, – опять отмахнулся от Бориса Швабрин и сел к столу. И этим скорее попрекал себя, чем Бориса.

Начиналась репетиция перед прямым эфиром. Распределили очередность четырех поэтов, показали ведущей Светлане, какие стихи каждый будет читать.

А Борис, механически участвуя в репетиции, продолжал доказывать про себя Швабрину, что он неправ.

«Но я остался отцом своей Тани, – думал он. – Плохим, заплутавшимся, отвергнутым, но не забывающим ее отцом. Расти, моя девочка, набирайся ума и доброты, мы еще встретимся с тобой. Я тоже

решил встретиться со своим отцом, напишу ему письмо на Дон. Чтобы ни говорила мать о нём, но напишу. Только не надо никого обвинять».

– А сейчас свои новые стихи прочитает вам, дорогие зрители, инженер-механик Борис Карин, – сказала торжественно Светлана.

И Борис очнулся:

– Однажды от Астраханского обкома комсомола я ездил с молодежной делегацией в Чехословакию. Много было интересного. Поразило меня и огромное кладбище на Ольшанке погибших в годы Второй мировой войны русских солдат. И почти на всех памятных плитах одинаковая надпись «Неизвестный». Дата гибели некоторых – позже окончания войны 9 мая. Я прочту стихотворение, которое так и называется «На Ольшанке», – сказал, глядя в глаза подразумеваемых телезрителей Борис, и прочитал стихи:

НА ОЛЬШЕНКЕ

Почернел от печали гранит,
Замер траурным строем.
Под цветами здесь армия спит
Безымянных героев.

Мама, мама, ты строй наш почти,
Самый смирный и тесный,
Эту надпись мою ты прочти:
«Рядовой неизвестный»...

Я не думал в бою, извини,
Как меня опознают.
Лишь две чешки – от русской родни! –
Нам цветы поливают.

После него выступал журналист Геннадий Комраков.

Когда закончили все выступать, он подошел к Борису и крепко пожал ему руку за стихотворение «На Ольшанке». И с тех пор проявлял к нему особое

внимание. Борису, конечно, было приятно. Потом он узнал, что Комраков был корреспондентом газеты «Известий» по Алтайскому краю.

Но Борис еще не знал, что на Ольшанке, на этом огромном поле,

в безмяннх могилах похоронены и воины и офицеры армии Власова, попавшие в котел и воевавшие в большинстве своем вместе с фашистами против России.

И органы безопасности не могли этого не знать. Досье, наверное, копилось на молодого начинающего поэта.

Глава 33

Однажды до рассвета Борис пешком возвращался домой от Нины по темным улицам Рубцовска, его внезапно остановила группа ребят, человек пять.

– Куда спешишь, парень? – сказал из темноты густой голос.

Лица не было видно, но шкурой Борис чувствовал, что его окружили.

– Домой, – ответил он приглушенно.

– Оружие есть? – спросил другой и мгновенно стал бесцеремонно ощупывать пустые карманы брюк Бориса. – Сухой.

– Что вам надо? Я здесь живу недалеко, – сдрейфил Борис, отстраняя руки того, кто его ощупывал.

– У нас рейд по общежитиям, – мягче сообщил первый голос. – Полмешка ножей и пистолетов собрали, – и потрянул перед Борисом мешок. Послышался шум и лязг железа.

– Что так поздно бродишь по ночам? – подал голос третий парень.

– Я здесь недалеко работаю инженером, – нашелся Борис. – Сегодня ночная смена.

– Знаешь про вас анекдот? – засмеялся третий парень. – Жулики напали на мужика ночью и требуют: «Снимай пальто!» А он взмолился: «Отпустите. Я же не смогу другое купить». А они: «А кем работаешь?» Он отвечает: «Я инженер. Вся зарплата – сто рублей». Жулик рассмеялся:

«Инженер? Мишка, дай ему сто рублей, пусть проваливает».

Но Борису было не до смеха. Его всего трясло.

– Свободен, – сказал первый, и ребята пошли дальше.

А Борис бежал во всю мочь. А любил ли он Нину – неизвестно. Киру точно любил.

Около дома. Борис перешел на шаг. Задохнулся от бега. В темноте около своей лестницы открыл последний письменный ящик, вытащил письмо, наверное, от матери и вошел в квартиру на пятом этаже. Включил свет и присел за стол прочитать письмо. Как всегда сначала посмотрел на Киру, на ее фото в рамочке на столе. Она спокойно прижалась головой к матери и молчала.

В письме было вложение. Мать сообщала о своих переживаниях за него и внуку, за здоровье Бориса, за своих давних подружек, которые стали ей как родные. И сообщала, что из Сыктывкара Валя, с которой он отдыхал в поездке по Чехословакии, прислала перевод письма венгерки Ирен. Когда-то мама боялась, что Борис женится на Ирен и уедет от нее в Венгрию. Ведь Ирен приезжала в Астрахань к матери Бориса, когда он был в отъезде в санатории. Но мать не призналась сыну. А сейчас Ирен писала Борису.

«Мой милый Борис!

Давно тебе не писала. Прости мне мое долгое молчание. Большое спасибо за подробное письмо и

фотографию. Ты на ней очень хорошо получился. Ты такой же симпатичный и молодой, как тогда, когда мы познакомились. Помнишь тот день? Как быстро идет время. Прошло пять лет. Я очень хочу вновь повидать тебя. Не смог бы ты приехать к нам? Пожалуйста, напиши, когда ты хотел бы приехать в Будапешт. Я очень тебя приглашаю. Мой муж в апреле следующего года поедет в Москву, более точной даты я еще не знаю. С 1 августа я снова на работе. Дочка ходит в детский сад. Мы рано вставем и уже без четверти семь едем в метро. Очень жаль, что твое письмо будет идти очень долго, и неизвестно, когда ты приедешь в Будапешт, и тогда мы сможем увидеться, и хорошо бы, я была еще в отпуске. Дочка еще такая маленькая, что я не могу путешествовать. А ты

уже можешь приехать. Ты всё верен прежней жене или хочешь еще раз жениться? Ты часто видишься с ребенком? Встречаешься ли ты со своей женой? (Если я не ошибаюсь, твою первую жену звали Кирой). Пожалуйста, напиши мне о себе. Я рада, что ты добился больших успехов в литературе. Доволен ли ты? Ты говоришь по-немецки? Ты не сердись, что пишу тебе по-немецки. Я должна учиться, и ты должен учиться, тогда мы сможем писать только по-венгерски или по-немецки. Кончаю свое письмо и передаю сердечные приветы твоей семье. Жду от тебя письма. Целую, Твоя Ирен».

«Так мало еще прожил, а уже столько много упущено», – вздохнул Борис. Разделся и лег спать. Через два часа будильник разбудит его на работу.

Глава 34

На молочном заводе Борису Константиновичу было одиноко. Потому что он так и не таскал с завода «шабашку», как другие, кроме «домашних» бутербродов. И потому, что его не жаловала директор Масячкина, видимо, за то, что парень «гнул правду-матку» на производственных планерках. И в отместку постоянно придиралась, что он никак не наладит нужный температурный режим в камерах, хотя для этого многие импортные компрессоры он заменил на отечественные машины московского завода «Компрессор». Машинисты компрессорной знали, что Борис непьющий, поэтому на свои вечеринки его не приглашали. Не сдавались только девчата. Симпатичный парень, а гуляет один. Они не знали, что Борис привык свои любовные

дела сохранять в тайне. В Астрахани – с Люськой, в Рубцовске – с Ниной.

– Что-то вы, Борис Константинович, женский пол не уважаете, – решила пошутить молодая машинистка, сверля его масляными глазками. – А наши девушки вас очень даже уважают, как «святые святут».

Эта шутка «Святые святут» Бориса сразу отпугнула от машинистки.

– Я не люблю срывать цветы, – сказал он. – Мне жалко смотреть, как они вянут.

Борису казалось, что он ответил поэтическим слогом. А сам, после Нины, зашел на завод в ночную смену, проверить, как здесь по ночам «цветы цветут».

Почему-то свет в компрессорной не горел. Борис включил

рубильник – и поразился. Вся ночная смена дружно спала на топчанах.

– Подъем! – заорал инженер.

Мужики вскочили. Быстро стали включать компрессоры.

– Так вот почему утром в холодильных камерах тепло! – кричал Борис.

Все разбежались по углам и виновато молчали.

И холодильник заработал.

Теперь Борис Константинович стал иногда устраивать регулярные ночные проверки компрессорного цеха, так сказать, совмещать приятное с полезным. Но руководству решил об этом не докладывать.

Стал инженер выходить в ночную смену, а рабочим спать хочется.

Как его уговорить?

Вот и пришла та коротконогая машинистка к Борису ночью в кабинет. Он пытался напечатать свое стихотворение на машинке, но при ней быстро вытащил листок из каретки и положил на стол текстом вниз, продолжая дорабатывать в уме неудачную строфу: «Маленькие ласточки – маленькие планеты...»

А чернявая девушка все что-то говорила, сидела близко-близко, пока не занялся рассвет. И вдруг разрыдалась, ударив по столу кулаком: «Дура-жисть!» И стала жаловаться на свою детдомовскую судьбу.

А Борис про себя твердил: «Держись!»

Глава 35

Вдруг на новом молочном заводе разразилась драма: директор Масычкина была арестована. Ночная смена ушла домой без «шабашки». Милиция строго проверяла каждого на проходной.

Молзавод гудел от слухов. Оказалось, «долгострой» имел криминальную причину. Пока строили новый молочный завод, Масычкина на государственные деньги построила три индивидуальных дома, руками тех же строителей, и сумела продать за бешеные деньги. А выручающий Бориса механик «выручал», в другом смысле, и Масычкину, покрывая ее приписки в нарядах и договорах на строительство. Помимо этого тоннами пропадала молочная продукция с завода. Директору грозила статья 158 ч.4 Уголовного кодекса за хищение в особо крупных

размерах – это четырнадцать лет тюрьмы.

Говорили, что Масычкина перед арестом стучала ладонью по столу руководителя Рубцовска и грозила: «Если меня посадят, я вас всех посажу. Я кормила бесплатным хлебом всех городских голов эти семь лет строительства завода».

И вскоре выяснилось – Масычкина перепугала высшее начальство. Только механика посадили за халатность и некомпетентность, и то на год. А Масычкина выжила. По результатам внеочередной аттестации комиссия рекомендовала руководству Молзавода понизить Масычкину, не имеющую высшего образования, в должности. И она стала инженером по технике безопасности.

Об этом Борис сочинил подпольные стихи:

Не оставляет нас в борьбе
Порок: «Ты мне – а я тебе».
И каждый выкормленный рот
Другой даст делу оборот.

Убрав когти, бывшая начальница, часто стала обращаться к инженеру Карину по сложным делам новой работы и всегда, начиная с улыбки, говорила: «Я как с другом хочу с вами посоветоваться, Борис Константинович...»

И однажды Борису Константиновичу, действительно, пришлось ей «посоветовать».

Убило в молочном цехе электрика током. Он стоял на шаткой скамейке и выворачивал лампочку на потолке. Лампочка не просто погасла, а взорвалась. Парень покачнулся на скамейке и, чтобы не упасть, непроизвольно схватился за оголенный провод. Его прошило током. И крепко зажатый пальцами провод выдрался на метр из шурфа на потолке. А парень упал на оборудование цеха и ударился головой о цементный фундамент под смесительным баком. Борис услышал шум из соседнего цеха, прибежал, кинулся делать искусственное дыхание и дышал ему в еще теплый рот. Но электрик уже стал синеть. Из разбитого черепа шла кровь.

– Вызвать «скорую»! – крикнул Борис галдящим вокруг рабочим в белых халатах.

– Уже вызвали, едет! – ответила спокойно главный технолог Шлепенчук.

От страха и отчаяния Борис не

мог опомниться. Что делать? Надо вызвать родных. Пошел к начальству за машиной. А когда вошел в приемную старого директора – даже вздрогнул от мышинной возни испуганной Масячкиной и Петрова. Они валили вину на самого электрика. До него долетали лишь приглушенные отрывки пугливых фраз:

– Он пьяный, факт...

– Нет наряда, сам полез!..

– Не было стремянки...

– Как составить акт, Борис Константинович? – спросила Масячкина.

– Машину дайте съездить за матерью!

– Нет машины, – буркнул директор Петров. – Они все возят молочную продукцию.

– А легковушка директора поехала за резиновыми перчатками, – выпалила Масячкина.

Карин взревел:

– Технику безопасности нарушили?.. Пошлите молоковоз домой к электрику! Не то я всех вас по-са-жу! – и, сильно хлопнув за собой дверь, вышел в коридор.

Петров быстро схватил телефонную трубку, позвонил в диспетчерскую и послал молоковоз за матерью электрика.

– Этот сдержит слово, – услышал Борис за собой голос Масячкиной.

ЭПИЛОГ

Он вернулся с Алтая поэтом, по крайней мере, выбрав окончательно этот путь. Не потому, что стал лучше писать, просто

стихи стали профессией, вторым дыханием, и он решил посвятить всего себя поэзии. В маленьком районном городе, расположенном

в Алтайской степи, его стихи признали и редакционные работники, и читатели. Он печатался в городской газете каждую субботу, выступал на радио и по телевидению. Его узнавали на улице. С ребятами из литобъединения он читал свои стихи в школах, в драматическом театре, в горкоме комсомола. Альманах «Алтай» выпустил подборку его стихов и песню «Встречайте меня, сосны» с его музыкой и словами. И это была последняя на Алтае его публикация. Он понял, до чего бездарны были его стихи. А хороших еще не умел написать.

Ему казалось, что другие авторы из литературного объединения «Старт» – выступали ярче. Может быть, потому, что они были местными, алтайскими, а он – приезжий. Они набычились, когда вместе праздновали в ресторане коллективную подборку, что он еще начинающий автор, а прославился песней на обложке «Алтая». Единственное было утешение – ему понравилось его фото с прической – правильно он обрезал пышный стилижий чуб. Хоть на человека похож.

Он тосковал по дочке. «Вот об этом пиши, – сказал ему местный поэт, – о своей семейной трагедии. Попробуй возвыситься над ней, чтобы стихи тронули и других, чтобы твое горе воспринимал каждый, как свое» (Позже в Интернете он нашел «былинку» пожилого человека с той же бедой, о которой он написал. И тот автор привел полностью его стихотворение об отнятой у отца дочери. Даже озаглавил «былинку» строкой из этого стихотворения). Но сейчас он еще не мог писать об этом, увлекшись восточными поэтами-мудрецами. Он ходил по январскому городу в шапке с опущенными

ушами (что не могут русские люди придумать слово, чтобы называть по-своему эти клапаны или уши?), в полушубке из овчины и в кирзовых сапогах... Так он привык ходить на Алтае. Но в южном городе это выглядело странно.

Люська первой узнала, что он вернулся, раньше, чем жена, с которой он медлил разводиться, надеясь еще на примирение. Ему и самому почему-то хотелось увидеть Люську. Разбирало любопытство, забыла она свою любовь или нет. Всю зиму она не решалась показаться ему на глаза, хотя он чувствовал, что его «живая тень» где-то поблизости. Он побывал в доме у своей жены. Малышка дочь стеснялась чужого дядю, выскочив из комнаты на кухню, где отец сидел с тещей. Ему казалось, что в этот миг он сидел на электрическом стуле, так все горело и билось во всем теле. Было сказано несколько общих слов. Жена демонстративно ушла в соседнюю комнату, дав понять, что примирение не состоялось. Теща разговаривала с внучкой Танечкой, но все ее слова предназначались отцу, и смысл их был укоризненный. Он шел, твердо зная, что из семьи ничего не получится. Разве он мог предполагать тогда, что всю жизнь будет об этом сожалеть? И не потому, что ему потом было хуже. Просто со временем он нашел выход, но поздно – у него была уже новая семья.

После этого рокового свидания с женой его потянуло к кому-нибудь. Но ему только казалось, что все равно к кому. Он слишком разборчив и недоверчив, чтобы быстро сближаться с девушкой. И он сам нашел Люську.

В институте, который он окончил, шел вечер поэзии. Парни

пришли на этот вечер со своими стихами. Это он и его друг Маев. Вечер был с платным буфетом. Они сидели за столиком, пили вино, читали французские стихи и чувствовали себя на десять голов выше присутствующих, которые читали свои самодельные стихи и модных тогда поэтов, типа Евтушенко. Захмелев, он вызвался прочесть, как и другие выступающие, свои стихи, вернее, свои переводы с чешского языка. Из скромности он, конечно, умолчал, чьи это переводы. Он читал, в зале было шумно, никого его чтение не трогало. Он сел, нервный и разобитый. И Маев подтрунивал над ним: «Бисер метал свиньям?» Господи, какие гордые?! Как индюки. Вдруг он получил переданную на его стол записку на салфеточной бумаге: «Чьи переводы вы читали, свои?» Это была Люська. Он старался ее не замечать. Но сейчас понял, что только и думал, как заговорить с ней. Начались танцы. Он пригласил ее. Она стала стройнее, мягче, женственней. Несколькими словами разбудили прежние отношения.

Борис ликовал, получив, наконец, письмо из Венгрии от Ирен. Она писала:

«Дорогой Борис!

Спасибо за твое письмо. Поздравляю тебя с достигнутыми успехами в области литературы. С радостью читала, что ты получил паспорт. Теперь я отвечаю по-русски, молодая коллега моя переводит мне письмо. С ее помощью я понимаю твои письма. Строчки твои, которые относятся к Вале, мы не поняли, – читал он и был расстроен, что Ирен забыла молодую учительницу немецкого языка Валю, которая была с ним в

одной группе от России в международном студенческом лагере в Словакии. – К сожалению, я знаю меньше по-русски, чем ты по-венгерски. Прошу тебя написать, когда ты приедешь. Мы хотели бы встретить тебя на вокзале или аэропорте. Коллега моя поможет тебе немножко познакомиться с Будапештом. В прошлом году она сдала экзамены по проведению туристов (на гида). Наверное, она рассказывает много интересного о нашем городе. Отвечай быстро. С любовью ждем тебя, Ирен».

Прочитав письмо, Борис почувствовал такую тоску по Ирен, которую, наверное, единственную, полюбил. И больше такого не будет. И не было. И быть не могло. А как жаль!

Тогда он еще не знал, что во время перестройки попросит ее помочь уехать к ней в Венгрию. И даже приедет оттуда ее муж, человек, ставший очень известным в своей стране, как в нашей стране, например, Чубайс. И скажет, что может ему помочь. И с тоской Борис откажется, потому что в это время его мама лежала в больнице с переломом шейки бедра, и он еле-еле спас ее от преждевременной смерти.

Сейчас он работал инженером в Гидрорыбпроекте. И все было хорошо. Но, когда решили его наградить званием «Ударник коммунистического труда», Люська пришла в институт и рассказала, что Карин из себя представляет. Вместо награждения бюро комсомола института рассмотрело на расширенном заседании его персональное дело.

Кто был на этом заседании? Секретарь партийной организации института Зубков, по его инициативе началось разбирательство,

потому что Люся пришла жаловаться именно к нему – и парень, как говорили в институте, «попал ему на зуб». От группы народного контроля был Сева Решетов – бывший его сокурсник. Из членов бюро ВЛКСМ, помимо самого героя, были Сергей Мельников, Лада Мордвинова, Аля Пугачева. В повестке дня один вопрос: «Персональное дело Бориса Карина».

Первое слово дали, конечно, Людмиле Васиной. Она просила принять меры к Борису, который «неверно с ней поступил». Она рассказал об их близких отношениях в течение пяти лет. Получалось, что в этот срок входили и его женитьба, и развод с Кирой, и работа на Алтае. Правда сама призналась, что после аборта ее чувства к Борису охладели и встречи с ним прекратились. Но после того как он развелся с женой, встречи снова возобновились.

Новый год она встречала с Борисом в компании с его друзьями. В результате чего забеременела, но он отказывается нести ответственность за это. Она просила общественность института повлиять на Карина с тем, чтобы он на ней женился, и чтобы будущий ребенок носил имя отца, то есть его фамилию.

Потом дали слово Борису. Его всего трясло. Спасало только то, что он решил стоять на своем насмерть. Тогда все были запуганы этой «общественностью», бюро комсомола, партбюро, отделом кадров – все определяли поведение человека, даже в интимных делах. Лицо Бориса горело, от стыда и злости одновременно. Почему он не хотел жениться на Люсе? Ведь человек его любил. И по-своему был в чем-то прав. И также зависела его судьба от

«общественности». Только надеялись все на властную силу, а Борис насилые ненавидел.

– Да, я знаком с Васиной пять лет, – пришлось ему признаться. – Я имел намерение на ней жениться. Но через год нашего знакомства она заявила мне, что познакомилась с другим парнем и ничего общего у нее со мной не будет.

И это тоже было правдой, которую Люся не могла бы отрицать.

– После чего я женился на другой девушке. Но семья не сложилась, и в конце прошлого года я был вынужден оформить развод с ней, – сказал он третью правду, хотя она его не обеляла, а скорее, наоборот, вызывала осуждение.

Теперь предстояло сказать о том, о чем не хотелось даже думать. Но грех всегда наказуем, хотя Борис не хотел сдаваться. И начал искать оправдания своему решению.

– После измены Васина старалась перевстретить меня на улице, каялась, что не любила, а увлеклась другим, уверяла, что продолжает меня любить, просила вступить со мной в брак, – объяснял он собравшимся, большая часть которых относилась к нему по-дружески. – Каждый раз я старался убедить Васину, что между нами все кончено, я не хочу ее обнаддеживать и никогда на ней не женюсь. Она может найти другого парня и выйти за него замуж. На это Васина отвечала, что ей достаточно того, что она иногда видит меня. Я нужен ей как мужчина, и большего она от меня не требует.

Он сделал передых и потом пошел в атаку.

– Что касается встречи Нового года, то я справлял его не в компании с Васиной. Хотя она стремилась праздновать Новый год

со мной и даже дала игрушки для украшения елки. Но я не захотел брать ее в компанию своих близких друзей! – И теряя самообладание от своей лжи, добавил: – Я возмущен сегодняшним поступком Людмилы Васиной.

Дальше он воспринимал только важные для него фразы обсуждающих его персональное дело.

Васина:

– Все, что сказал Карин, до случая с Новым годом, – правда. А Новый год я встречала с ним у Саши Маева. И в эту ночь я забеременела.

Зубков:

– Но суть не столько в том, где и с кем вы встречали Новый год, а в том, обещал ли Карин жениться на вас, так?

Васина:

– Нет, он мне ничего не обещал.

Зубков:

– Тогда выходит, вы знали, на что идете. Здесь должна подсказывать девичья гордость. Что же вы хотите от Карина?

Васина:

– Я беременна от него, и пусть он за это ответит. Я хочу, чтобы он зарегистрировал со мной брак, дал имя своему ребенку. Мы оба должны нести ответственность за случившееся.

Последнее ее предложение нанесло сокрушительный удар по репутации Бориса, которого Зубков пытался хоть как-то спасти.

И тогда разъяренный бык ринулся в бой.

– Это просто шантаж, – сказал он тихо. – И уже не первый случай. Перед моей женитьбой Васина обратилась в комитет комсомола и в профком рыбвтуза, где я тогда учился, с заявлением, что у нее от меня ребенок двух лет. Из-за этого

отменили комсомольскую свадьбу, которую собирались устроить мне и моей будущей жене, тоже студентке нашего института. Но на этом Васина не остановилась. Такое же заявление она сделала, придя домой к моей девушке перед нашей свадьбой. И это стало одной из причин наших семейных разладов. На самом деле ребенка у Васиной от меня не было, и все было шантажом с ее стороны.

Мельников даже подпрыгнул:

– Правду говорит Карин?

Васина:

– Да. Я тогда шантажировала Бориса. Я была уверена, что у него жизнь с той женщиной все равно не сложится. Но сейчас я, правда, жду ребенка. От Карина. У меня есть справка о беременности. А делать аборт я не могу по состоянию здоровья.

Мельников:

– А справка дана на прерывание беременности? Какой же врач мог взять на себя ответственность дать вам справку на аборт, если ваше состояние здоровья не позволяет этого делать?

Оказалось, что Люся везде балансирует на полуправде. И поэтому ее заявление уязвимо. Даже моя недоброжелательница Пугачева от возмущения вскопчила с места и закричала:

– Никто не даст! Вас должны были обследовать, прежде чем дать такую справку.

Васина:

– Ну, значит, я подвожу людей. Врач Васина дала мне такую справку, не обследовав меня. Но если бы здоровье позволяло, я все равно не стала бы делать аборт.

Решетов:

– Тогда для чего брать справку на аборт, если его вам делать нельзя, тем более не хотите его делать?

Васина:

– Чтобы убедить Бориса, что я беременна.

Мордвинова:

– Этим же не убедишь, что к беременности причастен именно Карин. Вот вы чем можете доказать, что виноват в этом именно Борис?

Васина:

– Он сам все знает.

Но Борис, оказывается, не все знал. А после этого разбирательства он еще стал сомневаться в своей виновности. После Нового года прошло несколько месяцев... Мысли мои остановил Зубков:

– Но Карин отказывается. Говорит, что вы его шантажируете, как уже было однажды. И вы это сами подтвердили. Все ваше письмо тоже не за вас. Со справкой вы пытаетесь нас запутать. Создается впечатление, Людмила Алексеевна, что вы все подстроили нарочно. Видимо, позором хотели запугать Бориса Константиновича? Почему мы должны верить вам, а не ему? Тем более вы сами признаетесь, что никаких обещаний, заверений он вам не давал.

Васина:

– Но я на самом деле беременна. И он тоже виноват.

Мельников:

– О какой вине может идти речь, тем более о наказании, если вы не представили ни одного доказательств вины Карина. И потом, вы вполне взрослый человек, который знает, на что идет. Сами подтверждаете, что все у вас с Кариным было по обоюдному согласию, он вам не обещал жениться на вас, и вы даже этого, в конце концов, не требовали. Значит, во всем виноваты вы сами.

Кроме того, надо проверить подлинность справки и ваше утверждение, что на Новый год вы

были в компании с Кариним. Пусть члены бюро Мордвинова и Пугачева проверят это, и тогда мы продолжим наше заседание.

Люся была довольна. У Бориса и у Люси был день, чтобы собраться с силами и с мыслями, принять какие-то меры для своей победы.

На следующий день бюро ВЛКСМ продолжило заседание по персональному делу Бориса Карина. Помимо вчерашних участников, на заседании присутствовали товарищ обсуждаемого Александр Маев и сотрудницы Людмила по библиотеке Потапова и Смирнова.

Первой выступала Мордвинова. Она сообщила, что в женской консультации Ленинского района подтвердили подлинность справки о направлении на аборт с беременностью в пять-шесть недель Людмилы Васиной, за подписью врача, однофамилицы Васильевой. Но врача Васильеву увидеть не удалось – она отсутствовала, и поговорить с ней не пришлось. Кроме справки, Людмила показала рекомендательное письмо, за подписью той же Васиной. В нем говорилось, чтобы врач абортного отделения сделала аборт Людмиле Васиной примерно 19 февраля, чтобы уже 20 февраля она вышла на работу.

Мордвинова рассказала также, что беседовала с товарищем Бориса Карина – Александром Маевым. Он утверждает, что Карин встречал Новый год вместе с ним, его женой и с четвертым человеком, имя которого Маев назвать отказался. А Васильевой на встрече Нового года с ними не было.

У Бориса опять начался нервный озноб. А Людмила не выдержала и крикнула:

– Это – наглая ложь!

Пугачева:

– Расскажите, как вы встречали Новый год.

Васина:

– Пусть сначала расскажут Карин и Маев.

Маев:

– Описывать, какое мы пили вино и каким пирогом закусывали, я не буду, равно как и не буду вообще вдаваться в подробности этого празднования, потому что считаю это совсем несущественным. Основное в том, что Васиной в нашей новогодней компании не было. Считаю, что подробности встречи Нового года не должны никого здесь интересовать. Тем более что в этих мелочах нет ничего существенного.

Зубков:

– Иногда мелочи тоже имеют очень существенное значение.

Маев:

– Мне известно, что Васина раньше шантажировала Карина. Известно, что Карин никогда ничего ей не обещал. Считаю, что бюро ВЛКСМ должно именно с этой точки зрения рассматривать взаимоотношения Карина и Васиной, а не «копаться в грязном белье».

Пантелеева:

– Васина много рассказывала о Карине, и было видно, что она к нему больше чем не равнодушна. И мне кажется, вина Карина в том, что он непринципиально ставил вопрос о прекращении встреч с Васиной.

– Как можно поступать принципиальнее? – не выдержал Борис. – Я говорил с ней по-хорошему. Требовал, даже пытался оттолкнуть ее от себя грубостью. (Вот с этой правдой он поплыл. Это ему никто не простит). Но она продолжала преследовать меня по

пятам на протяжении четырех лет, с очень короткими перерывами. Всегда чем-то напоминала о себе. Старалась перевстретить, стояла под окнами. Даже запиралась в уборную у нас во дворе.

Потапова:

– На вечере поэзии в рыбвтузе я видела, как Карин первый пригласил Васину на танец. Из чего понятно, что он, видимо, пользовался ее любовью.

Карин:

– Два месяца Васина не преследовала меня. Но я не мог поверить, что, наконец-то, она оставила меня в покое. И подошел убедиться в этом.

Потапова:

– Сейчас вы чувствуете, что допустили ошибку, напомнив о себе?

– Может быть, я допустил ошибку, – нерешительно сказал Борис. – Но опять же, я ни в коей мере не подавал повода думать, что у нас может быть что-то общее.

Потапова:

– Да, я считаю, что вы допустили серьезную ошибку. Тем более знали, что Васина вас любит.

– А я никогда не был уверен в том, что Васина меня любит, потому не считаю себя виноватым, – так Борис решил отрубить эту опасную для себя версию. – А как бы вы поступили на месте Васиной при таком отношении любимого человека в данном случае?

Потапова:

– Если бы все произошло по обоюдному согласию и не давалось бы никаких обещаний, я бы сделала аборт и не стала бы срамиться. И если все было действительно так, то я встаю на вашу сторону.

– Вчера Васина подтвердила, – сказал Борис, – что никаких обещаний я ей не давал. И убеждал ее,

что никакой женитьбы у нас с ней не будет и никакой семьи не получится. Она это и вам подтвердит.

Васина:

– Я не говорила, что он мне ничего не обещал. Он добивался встреч со мной.

Пугачева:

– Почему же ты отказываешься от своих слов? Вчера мы все слышали: ты подтвердила выступление Карина и сказал сама, что он не обещал тебе жениться и вообще ничего не обещал.

Мельников:

– Вчера на вопрос секретаря парторганизации вы ясно сказали, что Карин не обещал жениться на вас. Почему же вы сейчас отказываетесь от того, что при всех говорили вчера?

Васина:

– Конечно, вчера вы меня приперли, как говорится, к стенке. Сразу стали недоброжелательно ко мне относиться, даже осмеяли.

Мордвинова:

– Никто вас не осмеивал, не говорите неправду.

Решетов:

– Мы выясняли суть вопроса, и никто вас не вынуждал говорить неправду.

Мельников:

– Вы вчера не один раз повторяли, что обещаний со стороны Карина вам не давалось. И никто от вас не требовал признаваться в этом. И никто вас не осмеивал и не оскорблял. Я могу повторить, что сказал вчера, что женщина должна по-умному подходить к вопросу равноправия между женщиной и

мужчиной. И если вам ничего не обещали, чего же вы тогда требуете?

Васина:

– Но я беременна от Карина. Хотя я уверена, что о семье с Кариным не может быть речи, он должен зарегистрировать брак. А там пусть разводится. И аборт я делать не буду. Вот на ваших глазах рву эту справку на аборт. Если вы сейчас мне не верите, родится ребенок, и я докажу, кто его отец.

Мельников:

– Тогда или раньше, это ваше дело. Но сейчас мы не можем вам верить на слово. Как мы можем вам верить, если вы не только шантажировали его раньше, но и сейчас у вас нет никаких доказательств, что ваше теперешнее заявление не шантаж. Поэтому я предлагаю прекратить это дело.

Так совещание постановило: «Карин не обещал Васиной жениться на ней, их встречи проходили по обоюдному согласию, что подтвердили обе стороны; Васина не представила никаких доказательств, что она беременна именно от Карина; персональное дело комсомольца Бориса Карина прекратить».

Через много лет Борис задумался, почему он так отбивался от Люси? Отбивался от судьбы? Ведь эта женщина любила его. Как никто позже. Или predetermined судьба отбивалась от чего-то чужого?

Так у Бориса не осталось ни семьи, ни любви. Ветровей!

